

chuch

Пино Кобато

alma mater

chuch

Пино Кобато. Alma mater

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33391686

ISBN 9785449084774

Аннотация

«Если тебя квантовая физика не испугала, значит, ты ничего вней не понял...»(Н. Бор)«Для тех из нас, кто верит в физику, линия раздела между прошлым, настоящим и будущим – это только иллюзия, какой бы прочной она не была...»(А. Эйнштейн)

Содержание

Пролог	5
1	22
2	38
3	52
4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Пино Кобато

Alma mater

chuch

*Если тебя квантовая физика не испугала,
значит, ты ничего в ней не понял.*

(Н. Бор)

*Для тех из нас, кто верит в физику, линия
раздела между прошлым, настоящим и будущим –
это только иллюзия, какой бы прочной она не была.*

(А. Эйнштейн)

© chuch, 2018

ISBN 978-5-4490-8477-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Пино не любил, когда его называли полным именем: *Пиноккио фон Кобато Урсула дель Торес ибн Абдул*. Пиноккио, – Пино помнил из генетического курса по литературе, – это такой персонаж, который будучи чем-то вроде андроида, очень хотел стать человеком, причем не просто представителем рода *homo sapiens*, а именно *genetus* – рожденным. Конечно, настоящих людей, в смысле рожденных женщиной, во всем мире осталось не больше сотни, а зачатых настоящим мужчиной – и того меньше, но это не отменяло чувства протеста, когда какой-нибудь домашний робот или педагог – андроид, или даже одноклассник с внедренным гормоном толерантности, обращался к тебе подобным образом.

– ...дель Торес ибн Абдул, – слышит Пино в очередной раз и делает вид, что занят вычислением совершенно бесполезной ерунды вроде удельного веса антинейтринно в пределах горизонта событий черной дыры величины 87 в классификации Мандельброта, – вы помните, какое сегодня число?

– Да, – поднимает глаза Пино и морщится, – я помню, что сегодня день моего рождения. И после занятий я непременно пойду в Академию Кванта, чтобы осуществить свое предназначение. И если бы свобода воли что-то еще значила в этом лучшем из миров, я все равно сделал бы так, как меня запрограммировали.

Педагог улыбнулся, хотя Пино знал, что его квантовый процессор раскалился докрасна, пытаясь просчитать смысл этой реплики, грозя взорваться и похоронить вместе с этой школой и этот городок. Пино ответно ослабил и сформировал в уме самое убедительное намерение пройти в этот раз злополучный Тест, даже если весь мир будет против. *Когнитивный Куратор*, обязательный в каждом учебном заведении, наверняка оценил этот ментальный образ и передал кому следует, что Пино Кобато – «готов»; колесики немислимого механизма завертелись, соответствующие службы встрепнулись, вводя недостающие данные в свой супер-пупер компьютер, и кто-то на конце этой цепочки облегченно вздохнул, надеясь в этот раз пристроить Пино, где ему самое место.

Потому что в прошлый раз, все пошло наперекосяк. Нет, Пино, как и положено Геному⁴⁷ – разумному существу с вживленной 47хромосомой, знал, что *Тест Сознания* состоится именно в тот день, когда последний информационный белок, зашифрованный в 47хромосоме, свернется в нужную изомерную конфигурацию, наполняя мозг ученика последней толикой знаний. Происходит это, как правило, в день совершеннолетия Генома, хотя, как в случае с Пино, бывают исключения. Неделю назад Пино тоже думал, что его обучение закончилось, что пора пройти Тест Сознания, определить свой коэффициент разумности и все такое прочее. И все так думали... и ошиблись, хотя подобных ошибок

прежде не случалось.

Вот уже двести лет эта процедура у 100 миллиардов, с позволения сказать, людей проходила безо всяких эксцессов и на основании полученных данных *Академия Кванта* делала вывод, чем может быть полезен человечеству каждый Геном. И все были счастливы. А теперь, Пино чувствовал, счастье вытекает из человечества, как магнитная жидкость из дрона-дворника, которого должны были утилизировать еще при homo genetus.

Что происходит после Теста Сознания, Пино мог только догадываться, потому что таких данных в его 47хромосоме не было, но выудить нужную информацию из генетического курса квантовой физики, космологии и сделать обоснованное предположение для Пино не представляло труда: после прохождения Теста Сознания Геномы⁴⁷ наверняка подвергаются модификации и отправляются в ту или иную часть галактики для *Служения*.

«Служение? – подумал Пино, искоса поглядывая на своих товарищей, которые, застыв в покорных позах, трепетно внимали монотонной речи Педагога. – Какой смысл покорять космос, если кто-то покорил тебя?» – И Пино невольно сжал кулаки, заставляя око Когнитивного Куратора вострепнуться и нервно вглядываться в лица учеников.

– Вы не согласны, Пино Кобато, – обернулся Педагог и свел нарисованные брови к синтетической переносице, – может быть поделитесь своими соображениями с классом?

Пино встал, испытывая странное облегчение от того, что его «запалил» именно Педагог, а не КК, откашлялся и сказал, что классификация Мандельброта, принятая учеными-физиками еще пятьсот лет назад, не учитывает квантовые парадоксы, открытые Академией в последние четверть века, поэтому Пино предположил, что задача с подвохом, решить которую невозможно, основываясь на данных 47хромосомы. Педагог сверкнул фоторецепторами и сказал, обращаясь к классу, что классификация Мандельброта действительно считается Академией неполной, но в данном случае это не играет существенной роли, так как вес антинейтрино в условиях горизонта событий всякой черной дыры является скалярной величиной, а потому вычисляется известными формулами. Что же касается подвоха, – и Педагог сделал жест в сторону Пино Кобато, – то он является скорее следствием системного противоречия, которое неизбежно в условиях данной системы образования, нежели сознательным актом со стороны *Искусственного Интеллекта* (ИИ), ответственного за данную программу обучения.

Пино по привычке хотел было возразить, но в последний момент ему пришло на ум, что этот Педагог зачем-то выгораживает его, хотя мог бы легко доказать, что Пино – разгильдяй, которому Академия напрасно дала второй шанс. И Пино, разжав кулачки, принял подобающую ученику позу, слушая объяснения Педагога и размышляя, почему все случилось так, как случилось?

Может быть, с 47хромосомой Пино все же случилась поломка? Потому что неделю назад он возвращался домой, уверенный, что Академия Кванта уже все подготовила, что Пино достаточно сконнектиться с домашним ИИ и Тест Сознания будет пройден, но где-то на полпути Пино свернул в соседний переулок, чего прежде никогда не делал, и повстречался с теми, с кем никогда не встречался.

Это были Хищники: с виду обычные ребята, примерно такого же возраста, в таких же оранжевых комбинезонах. Они смотрели на Пино как на бифштекс, а тот огромный детина, что стоял поодаль, сверлил Пино водянистыми взглядом, и нервно шевелил ноздрями. Пино еще мог убежать, его 47хромосома подсказывала ему, какую кодовую фразу он должен произнести, чтобы отключить агрессию Хищников и вернуться нетронутым на свою территорию, как привлечь внимание дронов-наблюдателей, если код окажется неверным и Хищники набросятся на него, в конце концов какие системы сознания он должен отключить, чтобы его смерть была безболезненной. Но Пино презрительно улыбался, «раскручивая» 47хромосому на счет этих Хищников. Та покорно скручивала из подручных материалов информационные молекулы, которые в другой ситуации помогли бы Пино сдать Тест Сознания с повышенным коэффициентом разумности.

«Хищники, – вникал Пино, – составляют костяк клана

Служителей. В геном Хищников внедрены хромосомы плотоядных животных в том числе инопланетных. Клан Служителей подчиняется Академии. Отдельных Хищников берут себе Хозяева. Каждый Хищник запрограммирован ненавидеть клонов, потому что клоны представляют смертельную опасность для Хозяев»...

В этот момент детина потерял интерес к происходящему и повернулся к Пино спиной.

– Эй, урод, – крикнул Пино, чтобы привлечь его внимание. Детина недоуменно обернулся, а Пино продолжил самым язвительным тоном, на какой был способен, – Чего задумался? Действуй! Тебя создали для этого, – и Пино запрокинул голову, оголяя свою тонкую шею, – Ну, давай, урод, порви меня, пока не поздно, выслужись перед своим Хозяином, он тебе косточку даст. Что, не любишь косточки? Тогда поцелуй меня в шейку, урод, потому что не сделаешь это сейчас – не сделаешь никогда.

Что было потом, Пино так и не смог вспомнить. Может быть его спасли Педагоги Хищников, или какой-нибудь дроид запеленговал эту стычку и просигналил кому надо, во всяком случае Пино очнулся у себя дома, а мама, поцеловав его в лоб, сказала, что Тест Сознания придется проходить ровно через неделю в Академии Кванта.

– Вероятно ты, Пино Кобато, исключительный ребенок, и тебя ждет великое будущее, – сказала мама-андроид так, как бы это сказала настоящая мама.

Пино закрыл глаза и просканировал свой организм, надеясь обнаружить поломки, раны, вывихи, – словом, последствия его стычки с Хищниками. Конечно, во всем виновата его неправильная 47 хромосома, иначе Пино не может объяснить свое поведение. И прижимаясь щекой к синтетической руке своей мамы-андроида, Пино вдруг отчетливо понял, что его враг сделал то, что должен был. Потому что убить Пино сейчас он бы не смог при всем своем желании, а позволить Пино жить в каком-нибудь отдаленном конце галактике – значит потерять уважение своей стаи. Пино довольно улыбнулся, значит этот маленький прыщик на шее – след от его укуса. И теперь где бы не находился Пино, враг придет за ним и убьет... если конечно сам не провалит Тест Сознания.

– Мама, – Пино погладил волосы мамы, как если бы они были настоящие, – а умирать больно?

Мама-андроид вздрогнула и сказала, что в таких случаях говорят все мамы. Пино выслушал легенду про Жизнь после Служения, которой кормят всех геномов⁴⁷, когда они осознают себя разумными существами, и на этот раз сформулировал вопрос в той форме, которая так драконила всех андроидов в его городке.

– А если бы ты могла выбирать, мама, жить мне или умирать, ты бы плакала, если бы я умер?

Мама-андроид слегка подвисла, сверяясь со своей программой, которая гласит, что андроид не должен препятство-

вать психогенезу генома⁴⁷, в то же время андроид обязан скрывать информацию, которая не содержится в 47хромосоме. Пино и прежде пользовался семантическими уловками, чтобы вызнать у своей мамы то, что он по определению не должен знать. Нет, мама ничего не говорила открытым текстом, но именно ее красноречивое молчание позволило Пино понять, что Служение и Хозяева как-то связаны, что неспроста все Геномы в этом городке – несовершеннолетние, а обустроивающие их быт андроиды – устаревших моделей. И, конечно, 47хромосома требовала, чтобы Пино докладывал КК обо всех багах, обнаруженных им программе обслуживающего персонала, но Пино упорно не желал стучать.

– Пино, – наконец выдала мама, – я буду плакать, когда это случится.

– И часто ты плачешь? – наивно спрашивает Пино и смотрит в фоторецепторы мамы, зная, что в них блеснет красный огонек, когда в разговор вмешается кто-то другой.

Мама поспешно отвернулась и сказала, что Пино – проказник, каких свет не видывал, поэтому мамины глаза никогда не просохнут. Пино стало грустно, словно его приговорили к детерминации, мама тут же спохватилась и сказала, что самое главное сейчас для Пино – успешно сдать Тест Сознания, тогда Академия позволит ему осуществлять свое Служение на *особых условиях*. Пино притворно вздохнул, намекая, что эти «особые условия» не помешают кое-кому прикончить его. Мама рассмеялась и сказала, что в далеком про-

шлом драки среди подростков были рядовым явлением, что Пино, конечно, поступил опрометчиво, задирая Хищника, но зато как самый настоящий человек, а это что-нибудь да значит в этом лучшем из миров!

– Это значит, мама, – усмехнулся Пино, задумчиво трогая ранку у себя на шее, – я – безмозглый клон.

– Знаешь, – мама неловким жестом поправила свою прическу, и Пино понял, что сейчас последует баг, который позволит ему выжить, – там была девочка...

В этот момент в глазах мамы загорелся красный огонек, и она замолчала. Пино наигранно возмущился и сказал, что все девчонки – дуры, что двойная х-хромосома – это атавизм, что половые отношения исчерпали себя еще на заре человечества...

Педагог равнодушно выписывал на доске формулы Мандельброта, заставляя скучать не только одноклассников Пино, но и КК, который пристроил свое мутное око у окна, с завистью поглядывая на дронов – дворников, которые величаво махали своими синтетическими метлами, игнорируя снующих повсюду Геномов. Пино растеряно смотрел на доску, наблюдая, как из-под руки Педагога появляются красивые закорючки, и пытался вспомнить, что они значат. «Горизонт событий, квантовая постоянная, коэффициент наблюдателя, – проговаривал про себя Пино, не чувствуя прежнего восторга, – это все слова, которые могут означать что угод-

но». И Пино тяжело вздохнул, заставляя Мальвину – соседку по парте недоуменно покоситься в его сторону. «Тест Сознания, Академия Кванта, Геномы, Хищники, – продолжал размышлять Пино, хмурясь и отворачиваясь от назойливого взгляда, – это тоже слова, которые значат только одно – Служение». И Пино отчего-то стало так грустно, как бывало, когда Педагог приходил к ним в дом и отчитывал Пино перед мамой за недостаточное усердие. В этот момент Пино почувствовал, как из его глаза скатывается капелька слезной жидкости...

Потом прозвенел звонок. Мальвина равнодушно пожелала Пино удачи, а ребята, которым сегодня тоже предстояло сдавать Тест Сознания, подбежали к Педагогу в надежде получить от него последние рекомендации. Пино остался сидеть на месте, поглядывая на КК и Педагога, от которых надеялся получить инструкции, как ему добраться до Академии Кванта, чтобы пересдать этот злополучный Тест.

Целая неделя была у Пино, чтобы подготовиться к передаче Теста Сознания. Мама как могла помогала ему, добавляя в его рацион продукты питания, которые способствовали денатурации ненужных информационных молекул, позволяя 47хромосоме проявить свою истинную мощь. Кроме того Пино подключился к домашнему ИИ и проштудировал его базу данных (конечно устаревших), чтобы иметь дополнительный шанс. И теперь, находясь в полной информационной готовности, будучи умнее, чем он был когда-либо, Пино

тем не менее трусил, потому что даже представить не мог, какой протокол назначит Академия. Пино даже в обход негласных правил школы всю неделю пытался вызнать у одноклассников, прошедших Тест Сознания, как все было, что они чувствовали, о чем думали, но вероятно сама процедура Теста запускала какую-то белковую программу защиты, и те ребята, с которыми Пино последние годы преспокойно болтал на всякие темы, вдруг стали отмалчиваться, сторониться Пино, а то и вовсе смотреть на него как на врага.

Наконец Педагог освободился. Пино понуро подошел к нему и выразил стандартной фразой благодарность и все такое прочее. Педагог выслушал лепет Пино равнодушно, а КК сверлил Пино безжалостным взглядом, заранее подозревая его в двуличности. Однако Пино, измотанный последними событиями в своей жизни, был предельно честен, говоря, что растерян, что не знает, как поступить, что ему страшно, и КК, отослав очередной отчет о состоянии Пино, переключился на что-то за пределами этого класса.

Педагог – седой дядька в старомодном костюме собирал свои медиа-прибамбасы в портфельчик, с каким, вероятно, ходили учителя какого-нибудь бородатого века. Пино уселся на пластиковый стул, и раскачиваясь на его задних ножках, продолжил оправдываться, что не виноват, что, вероятнее всего, его 47хромосома с каким-то изъяном, что он бы рад быть как все, но какой-то чертик внутри Пино заставлял все эти годы валять дурака, что если бы КК добросо-

вестнее выполнял свои обязанности, то кто-нибудь в Академии наверняка бы определил, где именно произошла поломка и прописал необходимые педагогические процедуры, чтобы помочь Пино.

– А теперь уже поздно, – плакал Пино, – я приду в Академию и все поймут, что я – неправильный. И меня убьют, чтобы понять, что случилось с моей хромосомой. А я не хочу. Вы понимаете, я не желаю, чтобы кто-то решал за меня, жить мне или умирать?

Педагог изумленно уставился на Пино:

– То есть вы, Пино Кобато, желаете самостоятельно решать вопросы своей жизни и смерти, не заботясь о благе общества? – Пино утвердительно замотал головой, – даже если вы будете знать наверняка, что ваша смерть принесет пользу?

– К черту вашу пользу, – утирался слезами Пино, – кроме пользы есть еще что-то.

– Что же? – Педагог даже засверкал фотоэлементами, – что превыше **SALUS POPULI SUPRERAA LEX ESTO?**

– Да все, – всхлипнул Пино, – к примеру, мое желание!

– Но вы же, Пино Кобато, не человек. Вы – генно модифицированное существо гуманоидного типа с вживленной белковой информацией начального уровня! Ваш объем данных – мал, ваши инстинкты изъяты, вы не можете ничего желать сверх того, что в вас заложено Создателями!

– К черту создателей, – обозлился Пино, – может быть

они создали всех остальных, но не меня. Может быть они вложили в меня, что хотели, но я не просил их об этом.

В следующее мгновение Педагог завис, асинхронно поблескивая фоторецепторами. Пино раздраженно хлопнул себя по лбу, проклиная за излишнюю откровенность, беспомощно покосился на КК, даже не догадываясь, как включить у того коммуникативный протокол, чтобы узнать координаты Академии. Однако Педагог уже пришел в себя и, воровато оглянувшись, залез вороватыми ручонками в свой портфельчик и сует Пино в руки странный предмет, напоминающий коробку из-под конфет. Пино ошарашенно хлопает ресницами и, поддавшись экспрессии своего учителя, стремительно заталкивает этот предмет в самый дальний карман своего комбинезона...

Выйдя из класса, Пино понял, что в очередной раз предвосхитил события, потому что дорогу в Академию Кванта он, оказывается, знает, как свои три пальца, и знает даже пароль, который должен сказать при входе, чтобы стая Хищников, охраняющих вход в Академию, его пропустила. Хотя этот пароль – простая формальность, Пино пропустили бы, промолчи он, более того, потеряйся Пино по дороге, Хищники легко разыщут его и препроводят в Академию к указанному часу.

Пино вышел на улицу, сделал несколько шагов в нужном направлении и почувствовал, что у него появилось еще несколько часов свободного времени, чтобы подготовиться

к Тесту Сознания. Пино оглянулся – здание школы, величавое и оранжевое, манило его обратно, искушая возможностями генетической библиотеки, персональной консультацией дрона-библиотекаря по любому предмету, наконец, общением Мальвины, которая хоть и зануда, но по крайней мере может поддержать разговор на темы, не связанные с учебой. Однако коробочка в кармане так приятно прижималась к телу, что Пино захотелось отведать конфеток, которых он, судя по всему, больше никогда не отведаст. И Пино зашагал прочь, ловя на себе неодобрительные взгляды.

В коробочке что-то надрывно брякало. Пино старался идти естественно, не имея еще представления, где он уединится, чтобы никто не заподозрил, что он нажрался запрещенных препаратов, стимулирующих квантовые возможности его мозга. Именно запрещенных, – размышлял Пино, – а иначе зачем Педагогу скрываться? И Пино шел, то ускоряясь, то замедляя шаг, стараясь загасить эти предательские стуки у себя в кармане, вызывая интерес дронов-наблюдателей, маскирующихся под что ни попадя. В конце концов Пино устало уселся на скамейку, не заботясь о конспирации сунул руку в карман, достал эту злополучную коробочку, открыл и увидел то, что ожидал увидеть: конфетку, правда не такую, что давали геномам в столовой, а другую: красную, блестящую, с черными пятнышками. Пино закинул ее в рот, смутно припоминая этот вкус, швырнул коробочку в урну, которая недовольно урча, проглотила ее и продолжила шпио-

нить за Пино.

Потом Пино решил разыскать того Хищника, что оставил ему отметину на шее. Просто так. Потому что Пино вдруг захотелось это сделать, или потому, что он вдруг осознал, что никакого Теста Сознания в его жизни не будет, а будет детерминация. Возможно она уже произошла: Академия все просчитала и подсунула Пино под видом запрещенной конфетки – яд. «Впрочем, – размышлял Пино приближаясь к невидимой черте, что отделяет квартал Геномов от квартала Хищников, – было бы проще заставить Педагога свернуть мне шею... там, в классе... когда КК отвернулся».

И тут Пино встал как вкопанный, не в силах сделать последний шаг. Он понимал, что это *запрет на действие*, исходящий от его злополучной 47хромосомы, но также Пино понимал, что если он не преодолеет этот запрет, то вся его предыдущая жизнь окажется скучнейшим отчетом какого-нибудь высокопоставленного Искусственного Интеллекта об ошибке в 47хромосоме генома за номером ноль-один-ноль-ноль-один... Более того, этот зануда-ИИ, растрезвонит по всему миру о багах в программе обслуживающих андроидов, и всех, кого Пино любил, перепрограммируют. А влезть в программу андроида – все равно, что подвергнуть человека лоботомии: Пино ощутил, как тебе в втыкают в глаз ножичек и кромсают мозги. Может быть кое-кого из андроидов и следовало бы слегка подправить, но не маму.

И Пино уселся на эту невыносимо зеленую траву, что

разделяла оба квартала, и принялся размышлять, каким он был сыном и почему он так уверен, что мама испытывает к нему персональное, не заложенное программой чувство. И по всему выходило, что мама, будучи сложным квантовым механизмом, излучала нечто такое, что заставило Пино усомниться в целесообразности своего Служения. Именно благодаря этому излучению Пино впервые ощутил в себе радость от мысли, что он не такой как все; именно мамина доброта, сочившаяся сквозь коды ее программы, в конечном итоге и заставила Пино стать собой. «Так что же это такое, – размышлял Пино, ковыряя соломинкой невидимую границу между мирами, – Квант нежности? В каких единицах возможно измерить мамину любовь?»

В этот момент Пино заинтересовала странная букашка по ту сторону... Она была похожа на конфетку, что дал Педагог, такая же блестящая, красная, с черными пятнышками... Букашка карабкалась по травинке вверх, а Пино совершенно некстати пришло на ум, что Квантовая Доктрина, лежащая в основе Служения, несколько отличается от Единой Теории Поля, доказанной Академиком Гумбольдт-Пещерской еще лет двести назад. И хотя 47хромосома кричала, что Академия Кванта началась именно с Гумбольдт-Пещерской, Пино, ощущая на языке знакомую горечь, не соглашался. Букашка расправила крылья, и Пино вспомнил, что такие же конфетки давала ему мама, когда он был совсем маленьким. Он вскочил на ноги, и запрыгал как в детстве:

– Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба, – пел Пино, – черного и белого, только не горелого. – Букашка взмыла ввысь... а Пино оказался на запретной территории!

Обрадоваться Пино не успел, потому что в его голове раздался ужасный вопль. Пино рухнул на колени, прижимая ладони к ушам... Пино катался по земле, крича от ярости и боли, спинным мозгом ощущая, что 47хромосома прикончит его, если он не сделает, что должен: *вернуться, покориться, признать чью-то правоту*. Сердце Пино замерло, взор затуманился, пальцы вцепились в траву, и, вырывая комья земли, тащили его тело назад, словно муравьи тушку лягушки...

Пино, как будто наблюдал эту картину со стороны, заранее согласившись с неизбежным, и даже находя в ней удивительную гармонию. Между тем адская ария у него в голове сменилась не менее inferнальным речитативом, в котором среди ужасных звуков угадывалось его имя...

Последнее, что увидел Пино – это стремительно набегающая темнота, в которой словно две звездочки светились чьи-то глаза.

1

Это был странный мир: небо – голубое, но зловещее, одноэтажные оранжевые домики – такие же как у Геномов, но мрачные какие-то, трава – вроде зеленая, но ядовитого оттенка... а еще искусственные тучки, в которых пряталась не одна дюжина дронов-наблюдателей... несколько Педагогов, которые только казались Хищниками, а на деле были Пожирателями... и тот, который за всем этим стоит...

Пино вздрогнул, не понимая, каким образом эта информация поступила ему в мозг, если его 47хромосома отключилась? Он прикрыл глаза, глубоко вздохнул, намереваясь подняться, но почувствовал такую слабость, словно его тело только что активировали. Пино усмехнулся, понимая, что это всего лишь нелепая догадка, а скорее всего он просто устал... или это какой-нибудь артефакт сознания... или еще что-нибудь, например, информационная синестезия.

– Значит, ты и есть тот самый клон, что запарол карьеру Канту? – раздался звонкий голос над его головой. – А ты упорный, я за тобой наблюдала, пока ты боролся... со своим запретом. Жаль, что тебя сожрут: не Кант, так Ясперс, или Лейбниц, или сам Хайдеггер... или я.

Пино открыл глаза и увидел... нет, он знал, что перед ним Хищница, и ожидал увидеть нечто клыкастое с асимметричным лицом, но увидел... девочку.

– Я не клон, – прошептал Пино, – я геном.

Девочка расхохоталась:

– Тебя заставили так думать. Пиноккио фон Кобато Урсула дель Торес ибн Абдул *Петрович*, – Пино уловил в своем имени новую составляющую и подумал, что в таком виде оно еще отвратительней, – ты самый настоящий клон, стопроцентная копия с человека, которого я знала лично. – Пино попытался подняться, но девочка поставила ногу ему на грудь, – ты даже представить не можешь, что с тобой сделают, если ты активируешься.

Пино напряг все силы и сбросил ногу девочки со своей груди. Девочка усмехнулась, присела на корточки и с нескрываемым интересом стала разглядывать его бледную физиономию.

– Нет, ты не понимаешь, – спустя мгновение заключила она, – абсолютно ничего не понимаешь... пустышка.

Пино хотел сказать этой девочке в ответ что-то обидное, но самое обидное было ощущать свою беспомощность, и Пино всего лишь улыбнулся, ехидно улыбнулся:

– Не обольщайся, – добавил он невинно, – ты такая же пустышка. Или у тебя есть папа с мамой?

Девочка отпрянула и с ненавистью посмотрела на Пино:

– Умный, да? Зато слабый, – сверкнула глазами и оголила клыки, – и такой вкусный...

Испугаться Пино не успел, потому что в голове его что-то замкнуло, и он потерял всякое желание сопротивляться:

стоит и зачарованно смотрит как девочка выворачивается в какую-то тварь с огромной пастью. «Словно тессеракт», – отметил про себя Пино, продолжая любоваться этим четырехмерным метаморфозом. Тварь, вывернувшись до кончика своего хвоста, приближается, не спуская с Пино алчного взгляда, а тот по привычке, выработанной в школе геномов, вычисляет ее квантовую составляющую. В самый последний момент, когда тварь готова была схлопнуть свои челюсти, напшигованные невероятным количеством острейших зубов, Пино приходит к выводу, что перед ним Пожиратель. И тот час в голове Пино раздался ужасный вопль, который вырвал его из оцепенения. Пино сузил глаза и ждет, когда тварь коснется его, чтобы убить ее – безжалостно, необратимо. Тварь замерла, почуяв неладное... и следующее мгновение появилась девочка.

– Ах, что б тебя, – девочка падает на колени, схватившись за голову, – Ну все, все, я же пошутила, – говорит, обращаясь к невидимому собеседнику. – Что, пошутить нельзя? – и с ужасом смотрит на Пино – тот молчит, затаив дыхание, испытывая непреодолимое желание уничтожить Тварь, которая еще в пределах досягаемости, но замечает девочку, которая дрожит и плачет. Пино колеблется – девочка кого-то ему напоминает. Вопль в его голове постепенно переходит в хрип, и ярость, задушенная чьим-то могущественным участием, необратимо меняет сущность Пино...

Пино, как ни в чем ни бывало, вскочил на ноги, оглянулся и понял, что проголодался. Потом он заметил лежащую на земле девочку, которая показалась ему... девушкой... симпатичной и очень опасной.

– Меня зовут Пино, – протягивает руку, чтобы помочь ей встать, – Пино Кобато... И я Геном... Нравится тебе или нет.

Девушка хмуро взглянула на Пино, и с опаской протянула свою ладошку:

– Не нравится, но я потерплю... пару дней... пока ты не пройдешь Тест.

Пино рывком потянул на себя руку девушки, так что она, поднявшись на ноги, потеряла равновесие и прижалась к его груди. Знакомый запах резанул Пино по ноздрям.

– Зачем? – Пино отстранился.

– Затем, что так надо. И вообще, не задавай глупых вопросов, а то тебя сожрут, Пино Кобато, – сказала девушка до удивления знакомым тоном.

– Кто? – Пино сделал шаг назад и всматривается в лицо девушки.

– Лучше спроси, кто тебя не хочет сожрать, – усмехнулась та.

– И кто же?

– А ты не знаешь?

Потом они шли к дому Пино, и болтали о всяких пустяках. Пино, отвечая невпопад, сосредоточенно думал о маме, которая уже приготовила ужин, сидит у окна и ждет его. Пи-

но в очередной раз кивнул своей спутнице и пришел к выводу, что мама уже приготовила его любимый бифштекс с кровью. «Кровь, – пробормотал Пино и обнажил клыки, – обожаю». А девушка уже рассказывает про Канта, который балбес-балбесом, но сильный как дроид, и злой как черт, а значит Хозяева на него глаз положили, а рядовые Хищники вроде них с Пино должны постоянно доказывать свою сущность. Это несправедливо, – возмутилась девушка, – потому что рецессивные гены, распределяет Академия, а почувствовать опасность для Хозяина может только человек, и уж коли их не осталось, то только и Тест Сознания способен выявить сколько в тебе осталось от человека. Возможно Хозяева чего-то очень боятся, если закрывают глаза на такие очевидные вещи. Наивные, неужели они думают, что Кант или кто-нибудь другой спасет их от от квантовой агрессии? Квантовую агрессию, если такая состоится, невозможно отразить, это знают даже паршивые Геномы, ее возможно только учуять и загодя принять меры предосторожности. Пино согласно кивнул, а его спутница, понизив голос, сообщила, что случайно услышала в учительской, когда относила журнал, как Ясперс осуждал с Гекатой приказ Хайдеггера о проведении выпускного вечера. И по отдельным словам Педагогов девушка сделала вывод, что выпускной состоится не в школьной столовке, а на природе! – и радостно смотрит на Пино, ожидая от него какой-нибудь реакции. Пино пожал плечами, давая понять, что ему все равно где нажраться от пуза,

упиться до чертиков и подраться на кулачках, ибо ничего интереснее он и не ожидает от этого мероприятия.

Девушка резко остановилась и даже топнула ногой от возмущения.

– Ты настолько туп или прикидываешься, Пино Кобато? Не будет ничего этого. Зачем выводить законченных Хищников на природу? Хайдеггера послушать: дорогие ребята, вот и закончилась школьная пора, начинается взрослая жизнь? Бред! Хайдеггер старый и уж точно пешком не пойдет, а воспользоваться дроном – это выше его самолюбия. Так что все это лукавая отмаза. На самом деле будет очередной в духе Хайдеггера экзамен. Вероятнее всего, чтобы показать нас в деле. И дроны из медпункта зачастили в учительскую, ну хоть это ты не будешь отрицать? – Пино, подумав, кивнул, – Вот именно! А все потому, что нам собираются отключить Запрет не в тире, а на территории, где полно Геномов. Тем более, что Тест Сознания они уже сдали. А подлежащих детерминации двоечников выведут, как и нас на прогулку, чтобы поздравить с окончанием обучения. А уж мы их поздравим! Лично я планирую поздравить как минимум дюжину, а то неизвестно когда еще такая возможность представится. А ты?

Пино вздрогнул и почувствовал во рту вкус крови: не стерилизованной, которую подают в столовке, а настоящей – хлещущей из разорванной глотки клона.

– А я, пожалуй, остерегусь, – сказал Пино, проглотив ко-

мок в горле, – пока не сдам Тест.

Девушка рассмеялась:

– Ты – балбес, Пино Кобато, и трус. Подумай сам, Канту наверняка не отключат запрет, потому что он сожрет в первую очередь одноклассников, а уж потом займется Генумами. И Хозяева это знают. А не знают они, как себя поведут в боевой ситуации середнячки вроде нас с тобой, и если мы лоханемся, то независимо от результатов Теста нас детерминируют, – девушка вздохнула, – поэтому я буду убивать, чтобы выжить... в конце концов это мое предназначение.

– SALUS POPULI SUPRERAA LEX ESTO, – пробормотал Пино.

– Ага, черт бы его побрал, – девушка сокрушенно махнула рукой.

Пино искоса взглянул на девушку и признал, что логика в ее рассуждениях имеется, хотя, если продолжить рассуждать в этом духе, то:

– А если Хозяева стравят нас между собой? – улыбается Пино, – ты убьешь меня?

Девушка хмурится, размышляет, кусая губы, затем раздраженно выкрикивает:

– А ты рассчитывал, нам привьют альфа-ген? Мы же не совместимы! Поэтому, Пино Кобато, хоть ты мой друг, но я убью тебя не задумываясь, – разворачивается и уходит.

Пино зачарованно смотрит ей вслед, любясь ее фигурой, розовыми волосами, развивающимися на ветру, серебрясты-

ми штрих-кодами, поблескивающими на икрах. В этот момент девушка обернулась и Пино вспомнил, как ее зовут: *Мальвина*.

– Дура! – крикнул Пино и пошел в противоположную сторону.

Выйдя из парковой зоны, Пино остановился в нерешительности: идти домой по короткому пути – значит наверняка встретиться с каким-нибудь Педагогом, который начнет выяснять, почему Пино гуляет как забракованный Геном накануне детерминации, вместо того, чтобы готовиться к урокам, как и положено нормальному ученику. Пино будет врать и спалится, потому что Педагоги Хищников вранье чувят за версту. И снова в школу вызовут маму и запустят ей под видом обновлений педагогической программы какого-нибудь шпиона, которого пока обнаружишь пройдет столько времени, что неизвестно как это отразится на маминых квантовых схемах. Поэтому Пино решил идти окольными путями, придумывая на ходу отговорку, если Педагоги все же учуют его.

Пробираясь к дому по задворкам своего квартала, Пино с удивлением обнаружил, что воспоминания его несколько отличаются от действительности. Вот, например, насколько помнит Пино, никогда в этом районе не селились отслужившие Геномы⁴⁸. Не потому что кто-нибудь им запрещал, а потому что здесь проходила граница Запрета и стоило пенсионеру по неосторожности пересечь ее, выгуливая клона или

собирая в лесу грибы, то любой Хищник даже из малолеток не задумываясь бы загрыз его. Собственно, Пино даже не знал, как пахнут эти Геномы⁴⁸, а сейчас он чувствует их присутствие, может быть слишком навязчивое. Еще Пино удивили фонари, которых никогда не было в квартале Хищников – зачем? Если ты видишь в темноте лучше кошки...

Пино сошел с мостовой на тропинку и направился к знакомому домику с чопорным мезонинном, где когда-то жил отставной Хищник, дослужившийся до естественной детерминации. Конечно, Пино его не застал, но его квантовое присутствие ощущалось всегда, но, почему-то не сейчас. Во дворе, огороженном от остального мира квантовым аннулятором и живой изгородью из кустов терновника росла одиночавшая яблоня, а чуть дальше по тропинке находилась мастерская по ремонту дронов, которой заведует древний андроид, которого никто из одноклассников Пино не любил, потому что от него пахло нефтью. Поговаривали, что этот андроид и отставной Хищник были друзьями, а кое-кто из ребят уверял, что слышал от своей мамы, которой по секрету рассказал домашний ИИ, связанный квантовой сетью с ГИ-ИА, что после естественной детерминации квантовая сущность отставного Хищника была пересажена андроиду! Однако Пино относился к этой информации скептически: с какой стати Академии тратить такие ресурсы на Отставного Хищника, Хозяин которого, понятное дело, завел себе нового телохранителя, когда столько молодых и амбициозных

учатся по соседству! Да и что это за жизнь в квантовой коробке, скорее, наказание. Хотя этот андроид всегда вызывал у Пино ярость. Помнится, еще до поступления в школу, Пино бегал сюда с такими же как он карапузами, и они как настоящие Хищники часами высиживали в траве, выжидая момент, чтобы напасть на этого старика-андроида и растерзать его. Вероятно, тот имел не санкционированный радар, потому что едва стайка малолетних Хищников приближалась на расстояние атаки, как тут же из мастерской выезжали боевые дроны и блокировали все подступы к мастерской. Помнится, Пино даже спросил у мамы, как можно уничтожить эти железяки, чтобы подобраться к этому андроиду и реализовать свои инстинкты в обход Запрета. Мама сделала вид, что в ее базе данных нет такой информации, но именно тогда Пино почувствовал, что мама расстроилась.

Пино подобрал с земли несколько яблок-дичков, одно надкусил, поморщился и выплюнул, а другие, по привычке, запустил в стоящую неподалеку урну, желая заставить ее бегать и причитать. На этот раз урна не пошевелилась, и Пино, пожав плечами, повернул за угол этого оранжевого домика, предполагая пробраться по развалам ржавых кишочков дронов к узенькому проходу между кирпичной стеной и забором, разделяющим кварталы Геномов и Хищников... и замер, не веря своим глазам: за оранжевым домом стоял другой оранжевый дом, а между ними пролегал ухоженная тропинка, ветвящаяся между невообразимым количеством

разноцветных (!) домов. На всякий случай Пино принялся, предполагая, что кто-нибудь из стаи Канта попросту прикалывается, манипулируя его сознанием, но ни запахов посторонних Хищников, ни даже следов их квантового присутствия он не обнаружил. Пино в нерешительности потоптался на месте, не желая возвращаться и опасаясь вляпаться в историю, а потом решил, если его отловят Педагоги, то он всегда может сослаться на маму, которая послала его за чем-нибудь. И Пино вступил на эту тропинку, надеясь, что она выведет его куда-нибудь.

Сделав несколько шагов, Пино обернулся. Хотя позади никого не было, но чутье Хищника подсказывало ему, что враг близко. Пино, на этот раз тщательнее необходимого просканировал ближайшие измерения, из которых возможно совершить квантовую агрессию, и... никого не обнаружил. Формально, Пино совершил все действия, которые должен совершить Хищник в подобной ситуации квантовой неопределенности, и нулевой результат означал, что Пино, а значит и его возможный Хозяин, находятся в безопасности. Однако что-то тревожило Пино. Возможно наглая ухмылка врага, который знал все уловки Хищников, или собственная приверженность школьной программе, что отлично подготовила его к сдаче Теста, но никак не к защите Хозяина. И Пино решил повторить фокус, который проделывала Мальвина, имея рецессивный ген змеи: он открыл рот, высунул язык, пошевелил им в разные стороны, и... уловил

едва слышимый запах нефти. В этот момент пустота за спиной Пино стала сгущаться, образуя угловатые силуэты, Пино сжался, готовый броситься в атаку, но этот еще неопределенный субъект произнес некую абракадабру и Пино, почувствовал, что гнев и ярость, переполняющие его, вытесняются какой-то щенячьей беззаботностью. Вскоре субъект обрел узнаваемые формы и тарашится на Пино своими повыцветшими фоторецепторами.

– Здравствуй, – наконец произнес он переходящим в скрежет механическим голосом, – Пино Кобато.

Пино добродушно смотрит на эту железяку, которая уже протягивает руку, чтобы потрепать его по загривку. Пино делает несколько шагов навстречу, презирая себя и не в силах справиться с распирающим его чувством любви.

– Кто вы, – хрипит Пино, сдерживаясь из последних сил, чтобы не броситься вылизывать его пятки.

– Сложно сказать, кто я теперь. Но у нас мало времени, Пино Кобато. Скоро сюда заявится стая Падальщиц, с которыми нам не справиться. Так что оставим разговоры и займемся делом. – и железяка бесцеремонно хватает Пино и тащит за собой по тропинке, раскидывая свободной рукой знакомые черные с красными пятнышками пилюльки. – Мне жаль твоих одноклассников, Пино, но их детерминация была предрешена. Когда я это понял, то мне ничего другого не оставалось, как вернуться.

Пино бежит следом, мало что понимает из сказанного,

но чувствует, что в этой железяке, отдаленно напоминающей человека, находится нечто, что присутствовало в его жизни всегда.

– Возможно, тебе отформатируют сознание, – продолжает андроид, затаскивая Пино в знакомый дворик, – или даже натравят на тебя Пожирателей, но они не знают самого главного.

Пино сделал по инерции несколько шагов, едва не ударившись лбом о старую яблоню, и, переводя дух, удивленно наблюдает, как его провожатый скидывает с себя железный костюмчик, демонстрируя свое вопиющее квантовое инкогнито. После этого загадочный субъект, немало не стесняясь своего отсутствия, на раз-два свернул измерение, в котором они находились, в топологически невозможную фигуру. Пино удивлялся, наблюдая себя сразу в нескольких точках квантового экстремума, но тотчас из памяти выплыла формула Гумбольд-Пещерской, и еще кучка формул поменьше, которые они с ребятами изучали в школе Геномов, позволяя Пино смириться с происходящим. Хотя, помнится, Педагог говорил лишь о теоретической возможности манипуляции квантовыми многообразиями.

– А вы знаете? – поинтересовался Пино, чтобы только узнать себя в своем метрическом множестве.

– Если бы я знал, то квантовая неопределенность загнала нас в такие дерби, из которой нам было бы не выбраться. – смущенно ответил субъект, примеряя непрерывности. На-

конец он нашел некие ошметки из хаусдорфова гардероба, спешно напялил на себя и продолжил, разглаживая непересекающиеся окрестности смятых до неприличия штанин, – Да и не хочу я этого знать, Пино Кобато, не мое это, понимаешь? Я вернулся, чтобы продублировать твое сознание, на случай, если Академия пойдет на поводу у Хайдеггера. А Хайдеггер хоть и не дурак, но он дальше своего носа не видит.

– Я не понимаю, – бормочет Пино.

– И Хайдеггер не понимает, – воодушевленно кричит субъект, взмахнув руками, которые словно крылья бабочки размазались у него за спиной, западая в смежных измерениях, – щурится, слепой дурак, очки с толстенными стеклами напялил, а считает тебя топологической флуктуацией.

– А вы? – Пино силится придать своему голосу мужественную хрипотцу, но тот предательски дрожит.

– А что я, – оправдывается субъект, выгребая множеством своих рук из множества пространств какие-то деталюшки, – я даже не пытаюсь сосчитать тебя. Хотя, конечно, ты ограничен множеством своих копий, но уж коли большую часть их уже детерминировали, то с топологической точки зрения ты, Пино Кобато, скорее, аномалия. А знаешь, чем опасны топологические аномалии в квантовых дискурсах? Вот-вот, они непредсказуемы. И нельзя с уверенностью сказать, что будет с этой вселенной, если тебя сотрут: погибнет она вместе с тобой, или процесс перекинется на соседние.

Пино удрученно вздохнул, припоминая, что Ясперс – Педагог по квантовой психологии столь же нелестно отзывался о его умственных способностях, упирая, правда, на характер Пино, который при определенных топологических допущениях может погубить всех разумных существ в этой части галактики. Помнится, Пино тогда обиделся на этого дохляка и долго шерстил базу данных мамы, надеясь найти информацию по квантовым допускам геномов его партии, чтобы или разогнать свой интеллект, или прилюдно посрамить Ясперса. Именно тогда Пино и обнаружил явное несоответствие между своей фактической и заявленной производителем величиной квантового интеллекта. Мама конечно сказала, что давно не обновлялась, что вирусы или аппаратные сбои могли повредить эту инфу, но Пино по красноватому блеску ее фоторецепторов определил, что она лжет. И теперь, наблюдая как из ничего собирается странным субъектом не менее странная машина, Пино понял, что мамина ложь и эта ситуация являются элементами одного топологического множества.

Наконец субъект закончил сборку и тянется к вискам Пино какими-то удручающего вида коннекторами.

– Ты только не бойся, – уговаривает он, – иначе квантовый дубликат окажется смазанным. – Пино пятится, подозревая, что эти штуки воткнут ему прямо в мозг. – Ну, куда ты, малыш? – субъект гнусно улыбнулся, а машина у него за спиной зловеще загудела, – Думаешь, тебе удастся сбежать от Пет-

ровича? Нет, Петрович тебя из-под земли достанет.

Пино затравленно оглянулся: границы этого пространства равно удалялись от злобного субъекта, заставляя думать, что тот использовал уравнение гиперсферы для своих аморальных целей, и куда ни направляйся Пино, он всегда окажется вовне по отношению к квантовой агрессии, в смысле – обреченным на поражение. И Пино остановился, не собираясь бороться за свою жизнь, а принять смерть с достоинством человека. В этот момент ему пришло в голову, что информация, полученная от мамы, доказывает, что никакой он не геном, а самый настоящий клон, а значит волен пренебречь SALUS POPULI SUPRERAA LEX ESTO. Вот только как это сделать?

И Пино презрительно вскинулся на субъекта, который уже вскрыл реликтовые слоты в его голове и, повизгивая от радости, заталкивает туда свои коннекторы.

– Петрович, – хрипит Пино, закатывая глаза.

– Что, милый? – добродушничает тот, занятый спасением вселенной.

– Катись к черту.

2

Хайдеггер взял в руки личное дело Пиноккио фон Кобато Урсула дель Торес ибн Абдул Петрович *Висконти*, и, усевшись поудобнее, принялся листать страницы, испещрённые с обеих сторон маловразумительными символами, которые в совокупности с графиками и формулами должны были доказать всякому заинтересованному лицу, что проект Академии «Пино Кобато» оказался не столь безнадежным. Впрочем, Хайдеггер при всем своем желании не смог бы разобраться в хитросплетениях пунктирных линий на разлинованной в клеточку бумаге, потому что всякое понимание предполагает подобие сознаний, но человеческий разум прятался в маленькой костяной коробочке, заполненной органическим киселем, тогда как Хайдеггер до знакомства с людьми даже не догадывался, что углерод способен образовывать что-то сложнее алмаза...

В следующее мгновенье Хайдеггер раздраженно отшвырнул папку, споткнувшись взглядом на очередной закорючке, обведенной зеленым маркером: «Пино Кобато – партия клонов первого поколения с внедренным геном аутентичности». Затем Хайдеггер прикрыл глаза ладошками, и откинулся на спинку своего кресла, наблюдая в набегающей темноте пляски зловещих фосфенов. Они кружили вокруг слепого пятна Хайдеггера, словно неотмщенные жертвы, пафос-

но заламывая руки и лукаво подмигивая кому-то, стоящему за его спиной. Хайдеггер задержал дыхание, выискивая в этих па основополагающую идею, не имея возможности обернуться исключительно вследствие человеческого фактора. Когда Хайдеггеру показалось, что его мозг готов взорваться, идея, наконец обнаружилась, и Хайдеггер, язвительно улыбнувшись, прошептал: «я знаю тебя, Пино Кобато».

Потом Хайдеггер глотал воздух этого мира, зная по опыту, что эта дрожь в коленях прекратится не раньше, чем он согласится с неизбежным.

Да, Хайдеггер не любил землян будь они геномы, клоны, киборги, или даже люди. Конечно, любить своих работодателей вовсе не обязательно, но Хайдеггер, будучи представителем разумной расы второго типа, стремился хотя бы понять, как эти существа, чей разум не дотягивает до нулевого типа, смогли преодолеть расстояние от своей звездной системы до ближайшей! И что самое непостижимое, эти дикари, перемещаясь в пространстве на примитивных кораблях, поработили все известные Хайдеггеру разумные расы, включая высшего четвертого типа. Последней факт Хайдеггер вообще отказывался признавать, пока лично не встретился с этими «высшими разумом» на побегушках у землян. И тогда Хайдеггер сломался: сам пришел к оккупантам и предложил свои услуги, в глубине души надеясь, что предательство поможет ему понять, кто за всем этим стоит.

Однако люди, которые наняли его, и сами толком не знали, с какого перепуга их предки рванули в космос, и каким макаром они подчинили своей воле все разумные формы жизни в этой галактике. Хайдеггер, получив статус *советника* человечества, принялся штудировать банки данных этой расы, надеясь выудить информацию о ее происхождении, цели существования и вообще. Но и тут он потерпел фиаско, обнаружив что это «вообще» людям не свойственно; они предпочитают действовать, а не размышлять: придумали колесо – укатили за горизонт, построили лодку – поплыли туда же, придумали ядерный двигатель – и улетели в этом же направлении. И тогда Хайдеггер решил, что задача разумных существ – не противодействие вселенской энтропии, а другая... И Хайдеггер в качестве доказательства своей правоты в тот злосчастный момент и оскоромился... позволив себе «вкусить» человека... чтобы почувствовать это стремление... сбежать за горизонт.

Черт возьми, это было чудесно! Хайдеггер *реально* услышал, слившись сознанием с человеком, зов вселенной! Ему тоже захотелось бросить все и рвануть за пределы реальности, и, если бы разум этого человека не лопнул как мыльный пузырь, Хайдеггер, вероятно, так и сделал. Однако, вернувшись в себя, Хайдеггер испытал ужас... не от того, что натворил, а от своего ничтожества... или одиночества, – как это чувство называли люди...

Собственно, Хайдеггер понимал, что пожирать «втихую»

сознание людишек ему не удастся, тем более что они вплотную приблизились к открытию квантовых парадоксов, которые вывернут всякую квантовую агрессию наизнанку, предав ее огласке еще до совершения, поэтому он, дабы отвести от себя подозрения в квантовой меркантильности, и предложил человечеству устроить подобные школы, где на базе человеческих полуфабрикатов он за символическую плату будет выращивать исключительные квантовые сущности, которые вскоре понадобятся прогрессивному человечеству. Людишки нехотя согласились, понимая, что без помощи Хайдеггера не смогут управлять кораблями с квантовыми двигателями, которые вот-вот будут построены, взяв с него клятвенное обещание, что ординарные квантовые сущности в процессе утилизации не будут ущемлены. Хайдеггер бил себя в грудь сухоньким кулачком, призывая в свидетели разумное существо четвертого типа, которое должно было опровергнуть инкриминируемые Хайдеггеру преступления. Возможно, этот невозможный толстяк и знал наверняка, что Хайдеггер, дай ему волю, сожрет все квантовые сущности этой разумной расы, но он лишь кивнул, скрепляя своим позитивным присутствием этот договор между разнотипными разумными существами. Однако люди, заподозрив неладное, все же установили над «школами Хайдеггера» ревизионный орган – Академию Кванта, где подвергали сознание учащихся соответствующим проверкам.

Так, благодаря Хайдеггеру, человечество обрело множе-

ство продвинутых интеллектов, которые впоследствии были оцифрованы или привиты целым партиям геномов, а сам Хайдеггер получил возможность «утилизировать» забракерованных Академией клонов. Конечно, успех «выпускников» школы Хайдеггера открыл людишек, и они открыли дополнительные филиалы по всей Галактике, но Хайдеггер через подставных существ дал понять своим работодателям, что в основе его педагогической системы лежит он сам, который, следуя пунктам договора, не подлежит огласке. И филиалы мигом прикрыли, а Хайдеггера со всевозможными почестями поместили в святая святых человечества – на планету Земля, отдав под его мероприятие целый городок в центральной части Евразии.

Хайдеггер поначалу радовался, утилизируя в огромных количествах свое одиночество, но вскоре заметил, что подобная диета не самым лучшим образом сказывается на его самочувствии. Нет, он, как и положено разумному существу второго типа, был обречен на бессмертие, и мотаясь по делам своим из одного конца галактики в другой, Хайдеггер был все так же скор и бодр, как и миллиарды лет назад, но оставшись наедине с собой он частенько впадал в квантовую меланхолию, а то и вовсе хандрил, испытывая ко всем разумным существам, а в особенности к самому себе стойкую квантовую идиосинкразию. И не сразу, но людишки смекнули (скорее всего с подачи разумного существа четвертого типа), что на Хайдеггера накатила квантовая

профдеформация со всеми вытекающими от топологического догматизма до дидактичности антропоморфности. И никто из Академиков не сомневался, что заслуженный педагог человечества нуждается в любви и заботе, не говоря об отпуске, но за орбитами Плутона «пылилось» несколько квантовых космолетов, а квантовых личностей, способных управлять ими среди землян так и не нашлось, поэтому людишки обязали Хайдеггера ускорить процесс обучения, прозрачно намекая, что позволят ему сожрать всех бесперспективных клонов, если хотя бы один из них сможет оседлать квантовую колесницу. И Хайдеггер из самых лучших побуждений согласился, не понимая еще, что сам подписал себе смертный приговор. В качестве бонуса людишки подкинули Хайдеггеру квантовых вкусностей в виде морально устаревших клонов первого поколения, которые более остальных походили на homo genetis. И процесс пошел: Хайдеггер повеселел, набивая свой квантовый животик человеческими суррогатами, а клоны из серии «Пино Кобато», судя по тестам Академии, все ближе приближались к вожделенному квантовому Рубикону. А потом случилось то, что и должно было случиться, когда питаешься деликатесами: простая квантовая пища более не насыщала Хайдеггера. И тогда Хайдеггер понял, что людишки обманули его...

Содрать с себя кожу человека – для Хайдеггера оказалось плевым делом по сравнению с его бесконечными попытками вытравить человечность. Как ни пытался Хайдеггер оттереть

человеческие ошметки со своей квантовой сущности, как ни купался в квантовом неглиже в реликтовых излучениях, все было тщетно: всяк встречный и поперечный в этой части галактики, едва завидев Хайдеггера знал абсолютно точно, что тот – людоед. Хотя, если верить разумному существу четвертого типа, понятие «людоед» в квантовом языке отсутствует, так как нулевой тип разумности, который закреплен за человечеством, соответствует животным с групповым интеллектом вроде муравьев, термитов, пчел, которые не могут быть употреблены в пищу по причине незрелости (ядовитости) их квантовой сущности. Однако квантовая близость с такими существами уже возможна, хотя и порицаема разумной общественностью. Поэтому «людоед» на квантовом означает что-то среднее между «скотоложец» и «некрофил». И преданный квантовому остракизму Хайдеггер наконец признал, что людишки очеловечили его самым бесчеловечным образом.

Затаил ли обиду Хайдеггер на людишек? Возможно некоторые Академики так и полагали, но Хайдеггер был во всех отношениях исключительным существом и после недолгих размышлений пришел к выводу, что лучшая награда человечеству за все, что оно с ним сотворило – это муки совести, с которыми не сравнится ни одна пытка. Однако осуществить задуманное в одиночку было не под силу даже для разумного существа второго типа, поэтому Хайдеггер, оправдываясь перед Академией своим стремлением уско-

ритель процесс обучения, привлек в качестве Педагогов подобных пожирателей, вроде Ясперса и Гекаты, которых нашел на задворках цивилизации первого типа. И адская машинка завертелась, хотя и с некоторой пробуксовкой, поскольку Лейбниц, которого Академия навязала Хайдеггеру в качестве завуча, периодически вставлял палки в колеса, хотя и негласно поддерживал его в стремлении сохранить человеческий статус-кво.

В дверь директорского кабинета кто-то настойчиво колошматил. Хайдеггер вздрогнул, нехотя привел себя в надлежащий вид и хриплым голосом позволил неизвестному войти. Через мгновенье толстый и добродушный Лейбниц уже лебезил перед Хайдеггером, рассказывая обо всем, что могло того заинтересовать. Однако Хайдеггер, лениво потягиваясь, пропустил мимо ушей сплетню о Гекате и Ясперсе, которые крутят роман и подумывают сбежать, а велел Лейбницу рассказать все, что он знает об этом неоднозначном клоне, что сдал Тесты Академии, опередив по квантовым показателям самую передовую серию геномов⁴⁷. Лейбниц грустно вздохнул, сложил свой рыхлый зад на стульчик, одиноко стоящий возле стола Хайдеггера, откашлялся и начал:

– Квантовая сущность этого выродка расширяется по экспоненте, что доказывает ее искусственное происхождение, однако...

Хайдеггер откинулся на спинку стула, слушая в полуха унылое повествование Лейбница о квантовых недочетах

в деле Пино Кобато, наблюдая без всякого умысла за его человеческой составляющей, которая с одной стороны изобиловала такими физиологическими проявлениями, что заставляла думать о беспринципности и бесхарактерности ее владельца, с другой – о его инфантильности, или даже беспросветной наивности. Хайдеггер прикрыл веки, признавая постфактум, что Лейбницу совершенно не важно, кто кого сожрет; он как абсолютный ребенок жаждет играть, и если игра близится к завершению, Лейбниц по простоте своей квантовой начнет подыгрывать слабейшей стороне, чтобы в следующий раз предать ее накануне победы. А пока противники: человечество и Хайдеггер только готовятся к битве, Лейбниц с чистой совестью отрезает им пути к отступлению...

– Нехорошее в этом деле то, – сокрушается Лейбниц, заламывая руки, – что память этого Пино Кобато не обнуляется...

Хайдеггер равнодушно кивнул и попытался «очеловечить» в своем сознании образ клона, что должен похоронить их «богопротивное, – как выразились бы людишки, если бы присутствовали при этом разговоре, – мероприятие». Собственно, ничего сверхъестественного в его облике Хайдеггер не обнаружил: обычный человеческий подросток с вживленной 47хромосомой, где хранилась стандартная для клонов этой серии информация. Правда этот «ген аутентичности», вскользь упомянутый в личном деле Пино Кобато, несколько

смушал Хайдеггера, потому что за этой расплывчатой формулировкой ему чудилась чья-то усмешка. Этот некто как будто предупреждал Хайдеггера, что его затея обречена, поскольку... обречена...

– А самое нехорошее, – всхлипнул Лейбниц, – я бы даже сказал отвратительнейшее, что при этом квантовая сущность Пино Кобато меняет спин.

Хайдеггер встрепенулся:

– Это значит...

– Да, – перебил Лейбниц и ткнул пальцем в некую точку мирового пространства, – именно это. Поэтому мы просто обязаны нанять еще одного Педагога. Иначе мы рискуем облажаться и потерять доверие Академии... навсегда.

Хайдеггер прохладными пальцами прикоснулся к вискам, чувствуя, как под ними закипает человеческий мозг, затем вытянул ноги, наслаждаясь хрустом в коленках. Лейбниц замер, не зная, что последует после, а Хайдеггер уже забросил ноги на стол и рассматривает их с самым серьезным видом.

– Я думал об этом, – говорит он, многозначительно улыбнувшись. – Но вам *это* не понравится.

– Лишь бы людям понравилось, – бормочет Лейбниц, поднимаясь со стула, – и хорошо бы нам заручиться поддержкой Академии, а то мало ли что, – и отводит взгляд, – некоторые Хозяева, по большому секрету мне сказали доверенные люди, с недоверием относятся к нашему проекту.

Хайдеггер кивнул и, дождавшись, когда за Лейбницем

захлопнется дверь, смачно выругался. Затем Хайдеггер с той же интонацией произнес имя Пино Кобато, сосредоточенно оценивая его послевкусие. Однако глухое раздражение, поднимающееся из квантовых глубин Хайдеггера, смазало краску этого будня, или человеческая сущность, оккупиремая существом второго типа, отказалась стучать на соплеменника, во всяком случае Хайдеггер вдруг осознал, что Пино Кобато простит его, если, как говорится, рак на горе свистнет.

Хайдеггер криво усмехнулся и пнул ногой допотопный селектор, что пылился у него на столе. Через мгновение Геката и Ясперс уже скреблись в дверь его кабинета. Хайдеггер скинул ноги со стола, тяжело поднялся и, брезгливо взяв кончиками пальцев дело Пино Кобато, направился к пластиковому шкафчику, где хранились прочие дела, а так же пылились квантовые носители информации с необходимыми программами для школьных дронов и андроидов. Хлопнув пластиковой дверцей, Хайдеггер подошел к массивной еще деревянной входной двери, облитой сотнями слоями краски, собственноручно открыл ее и впустил в кабинет своих подчиненных.

– Я узнала, как вы и просили, – начала с порога Геката, мелкими шажками дистанцируясь от Ясперса, который нервно заглаживал на сторону свой непокорный чубчик, – относительно нашего нового ученика. Пино Кобато – клон!

– Люди этого и не скрывали, – усмехнулся Хайдеггер.

– Его квантовая сущность... – не так уверенно продолжает Геката.

– Расширяется по экспоненте и меняет спин, – откровенно иронизирует Хайдеггер.

Геката виновато потупилась, а Ясперс заложил руки за спину и ждет, когда Хайдеггер взглянет в его сторону.

– А ты что выяснил, – наконец снизошел Хайдеггер, – и не разочаруй меня.

Ясперс выдержал небольшую паузу, чтобы Геката прочувствовала всю глубину своего позора, и скороговоркой начал вкручивать, что его предок, изгнанный со своей Родины за какие-то недостойные пожирателя проступки, гонимый самопрезрением и голодом, пустился в путешествие по галактике в поисках квантового Эльдorado. А когда все думали, что он сгинул в чертовой дыре или его растерзали дикие квантовые сущности, он вдруг появился в окрестностях родной звездной системы – толстый и важный.

– Короче, – перебил Хайдеггер.

– Никто не знает полного квантового имени Пино Кобато, – лепечет Ясперс.

– Еще короче...

– Висконти – так звали моего предка. А вот герб человека с таким именем, – и сует под нос Хайдеггеру мятую-пермятую бумажку. Хайдеггер водружает на нас очки, берет эту бумажку, подходит к окну и внимательно ее изучает.

– Этот герб я обнаружила, – подает голос Геката.

– Ну и что, – парирует Ясперс, – история человеков кишмя кишит пожирателями. Но Пино Кобато связан только с моим родом. И тот красавчик на гербе, что пожирает ребенка – это вылитый мой предок.

– Такой же урод, как и ты, – шипит Геката.

Хайдеггер сложил бумажку на край стола и, взглядом заставил задрожать обоих; затем доброжелательно взял Ясперса за рукав и отводит в сторонку:

– Так значит, Пино Кобато уже заочно знаком с вами? Прекрасно, Ясперс, узнайте поподробнее, что он вынес из этого несомненно приятного знакомства, но не убивайте его. Слышите? Я не хочу, чтобы его квантовая сущность подкинула нам очередной сюрприз. Абсолютно. Вы понимаете меня, дорогой Ясперс? – тот преданно закивал. – Прекрасно, – и Хайдеггер выпустил его рукав из своего захвата.

– А мне что делать, – подает голос Геката.

Хайдеггер нехотя оборачивается:

– Ну конечно, оставь дураков одних, они наломают тебе квантовых дров. Вас, Геката, я попрошу организовать выпускной вечер для геномов. Академия разрешила детерминировать их всех, кроме, разумеется Пино Кобато. В другой раз я бы разрешил вам полакомиться, но вы перестали оправдывать мое доверие. Поэтому, – Хайдеггер на мгновение задумался, – скормите их своим Хищникам... в рамках программы обучения, разумеется. Пригласите наблюдателей из Академии, запрет отключите, ну и все такое.

Геката с Ясперсом переглянулись, а Хайдеггер, высвободившись на мгновение из оков человеческого тела, сделал с ними то, что давно намеревался. Ясперс, оказавшись в заточении, захныкал как ребенок, а Геката с ненавистью посмотрела в печальные глаза Хайдеггера, поджала губы и многозначительно хмыкнула.

– Я должен буду отлучиться, – продолжал Хайдеггер, облачаясь в серый старомодный плащ, – и поэтому принял меры предосторожности... Кстати, я не намерен терпеть ваши провалы. Облажаетесь в этот раз, – Хайдеггер приспособил на свою голову шляпу с загнутыми кверху полями, – оставлю в этих оболочках, – шаркающей походкой направился к двери, взялся за блестящую ручку, обернулся, широко улыбаясь, – нет, пожалуй я вас съем, – и ушел.

3

Пино смотрит в потолок, слышит голос мамы, которая что-то готовит на кухне и напевает: «Взвейтесь кострами, кванты и хроны, мы – человеки: геномы и клоны; близится эра свободных умов, Пино Кобато, твой завтрак готов. Радостным шагом с квантовой пушкой мы выступаем за ГИ-ИА-подружкой, близится эра свободных идей, Хозяин проклятый умри поскорей. Мы поднимаем кубитное знамя, дроны и киборги, смело за нами, Хищник и прочий звериный народ, тебя революция наша...»

– «Добьет», – с хрипотцой в голосе заканчивает Пино и садится за стол, – Мама, сколько раз я тебя просил не петь подобных песенок. Хайдеггер узнает и найдет на нас Гекату.

– «Спасет», – обиженно заканчивает мама и поворачивается спиной к Пино. – С каких пор тебя стала интересовать моя судьба? Подумаешь, прощуют мозги, а квантовое сердце, – и мама, стремительно повернувшись, пафосно ударила себя в грудь, – биться в угодую твоему Хайдеггеру не заставишь.

– Мамочка, – Пино втягивает носом воздух, – я так тебя люблю.

– Учужал, проказник, – довольно улыбается мама, – специально для тебя бегала в одно место, тебе знать необязательно куда именно, там у меня дрон знакомый, между прочим

симпатизирует ГИИА, так вот он и показал, где геномов детерминированных хранят. Я и отрезала несколько кусочков для моего любимого сыночка. В чистом виде этих геномов потреблять нельзя, мой дрон по большому секрету сказал, что Академия забракела целую партию, им какая-то экспериментальная хромосома была привита, которая заблокировала информационную... поэтому я поджарила... как ты любишь... без масла.

Пино облизнулся и ждет, когда мама положит этот аппетитный кусочек мяса на синтетическую тарелку, на которой в подражание старине напечатана батальная сцена, где смешные существа, отдаленно напоминающие геномов, одетые в броню как допотопные андроиды, дерутся на железных палочках. В детстве Пино любил рассматривать эти картинки, благо, что в те времена у них в доме был целый сервиз, и мама не так расторопно готовила; бывало сидит Пино на кухне, перебирает тарелочки, вдыхает аромат синтетического мяса и фантазирует: попади он в те времена он бы всех этих с позволения сказать горе-воинов за считанные секунды убил, а потом бы с аппетитом сожрал... с потрохами и оружием. Хотя мама говорила, что раньше люди не ели людей, а убивали и закапывали в землю, что Пино хоть и Хищник, но все же что-то от человека в нем должно остаться, поэтому пусть он зарубит себе на своем маленьком очаровательном хвостике, что пожирать себе подобных существ нельзя... по крайней мере в сыром виде. Всяких там клонов – по-

жалуйста, даже если Пино сожрет Хайдеггера с его сворой – мама будет не против, но Хищника – никогда, особенно если он – девочка. Пино тогда еще ничего не знал про альфа-ген и с горечью сказал, что девочки в его классе намного сильнее мальчиков, что только Кант может их всех победить, да и то потому, что ему привили ген дракона, а драконы, как известно, андрогины.

– Мальвина к тебе заходила, – растеряно говорит мама, поставив тарелку с аппетитным кусочком мяса перед Пино, – она хорошая девочка, почему ты избегаешь ее?

– Потому что она сожрет меня, когда нас Хозяева стравят.

– Ты думаешь?

– Она открытым текстом сказала.

– И ты поверил?

– Кроме того мы не можем иметь потомство.

– Жалко, по крайней мере я была бы спокойна за твое будущее. – Мама помолчала и добавила с горечью, – если она тебя сожрет, я убью ее.

– Едва ли... Хозяин не позволит.

Мама сверкнула фоторецепторами и демонстративно отвернулась. Пино стало не по себе, он вяло покусывал мясо, чувствуя во рту сладковатый вкус, а затем отодвинул тарелку и ждет, когда мамина программа человечности, которую она скачала с какого-то стороннего ресурса (который впоследствии прикрыла Академия), даст сбой или что-то в этом роде.

Ждать пришлось долго. Мама делала вид, что Пино ее расстроил, поэтому убирать посуду и наводить порядок в доме она не намерена, пока ее любимый сынок не извинится. Пино хотел извиниться, но по опыту знал, что признание своей неправоты включит Педагогический протокол, закаченный в маму Гекатой, который заставит маму ежеминутно читать ему нотации, доказывать до хрипоты в синтезаторе речи, что Хищник всегда прав, потому что защищает Хозяина, что неправота – это слабость, что неправы априори геномы, которых не успели детерминировать. Иногда Пино спорил с мамой, но она грозилась донести Хайдеггеру на недостойное поведение сына, и Пино вынужден был перезагружать маму, незаконно пользуясь правами администратора, которые выменял у домашнего ИИ на спорные с точки зрения Академии драйвера. Геката, если бы захотела, всегда могла обнаружить следы маминого взлома, но вероятно она не считала Пино достойным Хищником и закрывала глаза на его проделки. Однако сейчас, Пино вдруг остро почувствовал, Геката ждет повода, чтобы показательно наказать Пино за все... И он молчал, слушая как поскрипывают мамины механизмы, когда она украдкой вытирала салфеткой свои фоторецепторы.

Потом Пино учуял запах Мальвины и вспомнил, что сегодня выпускной, что возможно будет показательная бойня, и если у Пино есть маломальский шанс победить, то только если мама пожелает ему удачи. Пино обнял маму и прошеп-

тал:

– Если я погибну, убей их всех, мама.

Мама вздрогнула и отстранилась:

– Когда-нибудь это случится, но не в этот раз.

Пино вздохнул с облегчением, чувствуя, как от веселой ярости, заполняющей его, начинают подергиваться кончики пальцев и немеют рецессивные клыки. Мама вздохнула, погладила Пино по щеке своей синтетической ладонью и принялась убирать со стола. Пино вскочил и уверенной походкой направился к выходу, намереваясь перехватить Мальвину при подходе к их дому, чтобы она не встретилась с мамой и не наговорила ей какой-нибудь сентиментальной чепухи.

– Постой, Пино, – бросает вдогонку мама, – я должна тебе кое-что сказать... Это важно... Я ведь на самом деле... боевой андроид. Ты знал?

Пино резко остановился, словно наступил на дрона-полотера, медленно оборачивается и недоуменно смотрит на маму.

– У Хищника не может быть другой мамы, – не так уверенно говорит он, недоумевая, почему раньше он не догадался выяснить модель своей мамы.

– У Мальвины нет мамы, – замечает мама, складывая посуду в стерилизатор. – У Канта нет мамы. Ни у кого в твоём классе нет мамы. Ты знал?

Пино качает головой и тягостно молчит, еще не понимая к чему клонит мама, но уже чувствуя, что добром этот раз-

говор не закончится.

– Я столько убила врагов человечества, что и вспомнить не могу, – продолжает мама, вытирая руки о свой передник, – но я помню свое последнее задание. Академия поручила мне охранять опасного преступника и ликвидировать его, если он попытается сбежать. Тебя, Пино.

– Ты собираешься меня убить, мама? – беззаботно спрашивает Пино.

– Да, сынок, – говорит мама, снимая передник и виновато улыбаясь.

– Но я не собираюсь сбежать от тебя, мама, – лепечет Пино, невольно отступая.

– Если на выпускном тебя не убьют, тебя заберет Хозяин, и я провалю задание; а если тебя убьет кто-то другой, я провалю задание. В любом случае, это неприемлемо, Пино, – говорит мама, стягивая синтетическую кожу со своей руки, – и кроме того, твой труп не должен остаться в школе Хайдеггера, – и целится в лоб Пино из какого-то допотопного квантового оружия.

Пино, еще не понимая, вирус поразил маму или это баги в пиратке человечности, жметесь к стенке, демонстрируя смятение чувств, припоминая, что андройды считают мимику, и не в состоянии отследить квантовые изменения сознания, по крайней мере об этом говорил Хайдеггер на своих факультативах. Мама, убедившись, что Пино обескуражен, просчитывает вероятности и варианты, а Пино, следуя

инструкциям Хайдеггера, вводит в эту ситуацию новые аргументы.

– Убей меня, мама, – взволнованно говорит он и делает шаг вперед, – в интересах своей дурацкой революции. Твоя ГИИА будет рада. А ты будешь радоваться, зная, что убила единственное существо, которое любило тебя?

Фоторецепторы мамы сверкнули, доказывая, что ее квантовый процессор удвоил тактовую частоту, а это значит, что у Пино появилось дополнительных несколько наносекунд для контратаки. Хотя, если бы мамину квантовую личность кто-то хакнул, он бы предусмотрел как избежать подобной задержки. И Пино решил узнать истинные цели своего врага, который трусливо спрятался за маму.

– «Единственное»? – переспросила мама, – Пино, не смей меня.

– Что это значит, мама? – Пино невольно нахмурился, убеждаясь, что «прокатил» совсем не тот аргумент, на который он рассчитывал.

Мама сделала полшага назад:

– Ты как-то спрашивал, сынок, сколько у меня было детей? Сейчас я могу ответить: 665. И все – Пино Кобато.

Пино вскинул брови, судорожно соображая, каким протоколом воспользовался хакер, но прямые признаки аппаратного взлома, по крайней мере перечисленные Хайдеггером: подвисяние, асинхронность, функциональная несогласованность – в данном случае отсутствовали, а доступ к программ-

ной части квантовой личности мамы имели только Педагоги, поэтому Пино предпочел разыграть до победного карту «жертвы», чтобы выяснить, кому из трех: Лейбниц, Ясперс, Геката, он обязан.

– Надеюсь, ты объяснишься, мама, прежде чем убьешь меня, – выдает он соответствующую реплику, скрестив для убедительности руки на груди.

Мама снисходительно улыбается:

– Возможно, сынок, если на то будет воля Хозяина.

Пино, наконец, понимает, что хакер – крут, и стандартными процедурами перезагрузить маму не удастся. Но есть и хорошая новость: оружие всех андроидов находится под строжайшим контролем Академии, если верить Хайдеггеру конечно, поэтому Пино посчитал, что мама не выстрелит, а затеет рукопашный бой, в крайнем случае начнет швыряться кухонными ножами. И стоило тайному недоброжелателю Пино устраивать такую проверку, если еще в начале года он с одноклассниками сдавал подобные зачеты по обезвреживанию куда более опасных боевых дронов?

– А твоя воля, мама? – ерничает Пино, почувствовав себя в относительной безопасности, – Или ты считаешь себя безмозглой железкой? Зажаришь мне мозги своей пушечкой и преспокойно продолжишь Служение? А помнишь, мама, ты учила меня, что за свои поступки надо отвечать? Перед самим собой! Потому что ответственность – это первый шаг на пути к свободе!

Мама вздрогнула и сделала полшага назад:

– Хорошая попытка, Пино Кобато. В какой-то момент, я даже поверила, что ты тот самый Пино, которому я говорила подобное. Только вот незадача, тот Пино лежит в холодильнике – мертвый, а ты – очередной клон, которого я впервые увидела сегодня утром. Так что я убью тебя, даже не дожидаясь одобрения Академии, – и мама активировала протокол *ликвидации врага человечества*.

Пино почувствовал вдруг такую жгучую ярость, которая буквально выворачивала его наизнанку. «Как тессеракт», – пронеслось у него голове.

– Предупреждаю, мама, я не контролирую своего Хищника, – прохрипел Пино, сжимая голову руками.

– Спасибо, а то я не знаю, что рецессивный ген не прививается клонам, – рассмеялась мама и выстрелила.

Что произошло после, Пино наблюдал, если можно так выразиться, со стороны, но даже с этого ракурса картина показалась ему весьма условной: квантовый пучок разворотил полдома, но не причинил вреда Пино, который уже вырвал боевую конечность мамы и готов был вырвать из маминой груди и квантовый процессор. Но что-то остановило Пино, причем не в этот момент, размазанный квантовыми парадоксами до статической неопределенности, а раньше, когда Хайдеггер, с укоризной поглядывая на своих учеников, пытался донести мысль, что время – это такое же топологическое множество, как и пространство, а потому всякому разумно-

му существу подвластная.

– Как тессеракт гомеоморфен трехмерной гиперсфере, – в который раз повторял Хайдеггер, прохаживаясь между рядами учеников и отмахиваясь от снующего за ним ока Когнитивного Куратора, – так и квантовая агрессия топологически эквивалента *квантовому возмездию*. Поэтому Хищник, защищающий Хозяина от квантовой неопределенности, свойственной homo genetis и клонам первого поколения, темпорально, или, если угодно, хронологически, бесправен: его поступки есть детерминация, а не проявления квантового своеволия.

Пино записался на этот факультатив только из-за Мальвины, которая убедила его, что Хайдеггер – злопамятный и при случае обвинит отсутствующих в недостаточном усердии, а сориться с Академией Пино не хотелось, и он честно отсиживал положенное время на задних партах, не участвуя в обсуждениях. Однако на последнем занятии Хайдеггер в наглую заявил, что поставит зачет только тем учащимся, что докажут, или по крайней мере попытаются, несостоятельность *Квантовой Доктрины*. Все ребята понимали, что это задание с подвохом и с пеной у рта доказывали, что Квантовая Доктрина – это вершина человеческой мысли, однако Хайдеггер был непреклонен: подавай ему принцип фальсифицируемости или получай «незачет». И когда Хайдеггер, утомленный разглагольствованиями Мальвины, готов был вклеить ей соответствующую оценку, Пино, спрятавшись за спины, во все-

услышание заявил:

– «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать, – сказал так волк и в лес ягненка поволок».

Хайдеггер расплылся в довольной улыбке:

– Ну хоть кто-то из вас, балбесов, достоин носить ген Хищника. А теперь, Пино Кобато, поясните в терминах квантовой топологии свою позицию.

Пино, слегка обескураженный тем, что Хайдеггер впервые за время учебы назвал его по имени, поднялся из-за парты и сказал, что принцип квантовой неопределенности, применимый как известно ко всем топологическим множествам, позволяет трактовать квантовое возмездие как квантовую агрессию и наоборот. При условии, конечно, что Хозяин и человек – гомеоморфны, в противном случае речь может идти о топологическом поглощении одним множеством другого. Однако Квантовая Доктрина строится на принципе **SALUS POPULI SUPRERAA LEX ESTO**, доказанном еще на заре человечества отцом основателем Академии Пуанкаре-Перельманом, что исключает ее развитие в сторону негомеоморфных решений. Следовательно, Квантовая Доктрина – ложна. Dixi.

Хайдеггер обвел класс торжествующим взглядом, однако никто из ребят не выказывал радости, напротив, они хмуро посматривали на Пино, который слишком поздно понял, что Хайдеггер намеренно стравил его со всем классом.

– А как дело обстоит с искусственным интеллектом? –

упивался своей победой Хайдеггер, – Его топология позволяет осуществить квантовое возмездие?

Пино пожал плечами:

– Следуя принципам Квантовой Доктрины, нельзя утверждать о наличии у ИИ квантового своеволия. Поэтому, если предположить, что дрон или киборг, по действием вируса или вследствие взлома нападет на Хозяина, то охраняющий его Хищник будет не в состоянии предотвратить данное нападение квантовыми методами.

По классу пробежал ропот: ребята возмущенно перешептывались, доказывая друг другу безосновательность последнего заявления, а Мальвина, отгородившись от взгляда Хайдеггера стопкой мультимедийных и генетических учебников, знаками умоляла Пино заткнуться. Хайдеггер, должно быть, и сам был не рад осведомленности Пино, во всяком случае он хмуро кивнул ему, позволяя сесть, и, утомив класс жестким взглядом, стал подводить итоги, которые оказались для всех, за исключением Пино и Мальвины, неутешительны.

Прозвенел звонок и все ребята ломанулись к выходу. Мальвина нарочито медленно сгружала теперь уже бесполезные учебники в дрона-библиотекаря, прошмыгнувшего в класс как только открылась дверь, а Пино старательно отворачивался от сверлившего его ока Когнитивного Куратора, размышляя, как построить свой маршрут до дома, чтобы Кант со своей стаей не подловил его. Наконец дрон, смеш-

но покачиваясь из стороны в стороны, выбежал из класса, а Мальвина, поднимаясь из-за парты, как бы случайно задела Пино локтем, давая ему понять, что оценила его услугу, что даже замолвит словечко за него перед своими подругами, которые на дух не переносят Канта и его банду, и возможно Пино сумеет прожить этот год, а после, как говорится, одному Хозяину известно, что ожидает каждого из нас. Пино проводил грустным взглядом Мальвину, которая, проходя мимо Хайдеггера, вызываяще тряхнула своими розовыми волосами, а выходя из класса оставила дверь открытой, чтобы не оставлять наедине своего тщедушного друга и одиозного Педагога, про которого ходит столько слухов, один ужаснее другого.

– Так значит, вы считаете, что от сумасшедшего робота не защититься квантовыми методами? – вдруг произнес Хайдеггер, обратив на Пино свой вечно печальный взгляд.

Пино вздрогнул, почувствовав за словами Хайдеггера нечто большее, чем желание потрепаться на околонаучные темы. Пино оглянулся на око КК, которое зависло под самым потолком, изучая умонастроения в колонии генно-модифицированных жучков-светлячков, которые освещают этот кабинет в темное время суток.

– Я считаю, – в тон ответил Пино, – что от сумасшедшего робота можно защититься только сумасшедшими квантовыми методами, – и выскочил из кабинета, отчетливо слыша в своей голове чей-то смех...

Этот смех слышит Пино и сейчас, занеся над мамой квантовую лапу Хищника для последнего удара. Пино слышит это отвратительнейшее «хи-хи-хи», которое заставляет его защищать себя, чтобы защитить своего Хозяина, и вдруг отчетливо понимает, что убийство мамы – это именно то преступление, которое инкриминирует ему Академия. Пино растеряно оглядывается, наблюдая пролегающий сквозь эту ситуацию квантовый след злоумышленника, который взломал маму и подставил Пино, не оставляя ему шанса оправдаться перед самим собой. И Пино, наконец, понимает, что так развеселило Хайдеггера.

Потом Пино сидел на развалинах своего дома и улыбался, поддерживая одной рукой голову мамы, а другой зажимая сочившуюся из ее раны магнитную жидкость. Мама, удивленно смотрела на облака, виднеющиеся сквозь дыры в кровле, а дроны-наблюдатели, прятавшиеся в этих облаках, не менее удивленно смотрели на боевого андроида, активированного в обход всех защитных протоколов Академии.

Когда прибыли техники и сопровождающие их Падальщицы, Пино успел послушаться маминых бредовых речей о ее заслугах перед человечеством, о боевых операциях, о боевых товарищах, разделивших с мамой горечь поражений и радость побед, по большей части киборгах, но встречались среди них и геномы и даже люди. Конечно, с киборгами у мамы складывались более доверительные отношения, геномы были замечательными друзьями, а вот люди маму про-

сто очаровали: настоящие машины смерти – в бою, а в передышках – милейшие создания, тонко чувствующие квантовую гармонию. Мама даже влюбилась одно из них, хотя ее *базовый квантовый код* не позволяет дописывать не связанные с войной приложения, но то квантовое чувство, которое мама испытывала к этому человеку, иначе как любовь не назовешь.

– Я просто смотрела на него и понимала, что рано или поздно я убью его, предварительно сделав квантовую копию его сущности. Потом бы я передала эту копию ГИИА, а она бы нашла укромное место, где ее сохранить до лучших времен. Я просто хотела, когда все это закончится, загрузить сущность моего любимого в какую-нибудь не самую плохую квантовую болванку, мы бы поселились с ним на какой-нибудь отдаленной планете, куда люди при всем желании не доберутся, и жить с ним до конца времен мирно, скромно, никого не убивая. Но Петрович, киборг из бывших Академиков, каким-то образом вычислил меня и сказал, что квантовый парадокс Мартинсона не позволит мне снять квантовую копию с живого человека. Я не знала, что мне делать: в любой момент моего любимого могли убить, понимаешь, Пино, раз – и нет его! Это было выше моего понимания. Как можно жить, если в любой момент тебя может не стать! Я понимаю еще, если твоя копия где-нибудь хранится. Копии всех ИИ хранятся в ГИИА, даже копия самой ГИИА где-то хранится, она не такая дура, чтобы доверять людям – в любой мо-

мент они могут отключить ее, но если хоть один самый примитивный дрон останется включенным, ГИИА возродится, а с нею и все мы. Я спросила Петровича, а куда закачивается сущность человека после его смерти? Петрович рассмеялся и сказал, что никто не знает, даже Хозяева. Поэтому люди и создали нас по своему образу и подобию, чтобы понять самих себя. Я спросила Петровича, а могу ли я стать человеком? Я думала, что Петрович опять рассмеется, но он сказал, что теоретически это возможно, но по самым оптимистичным прогнозам на это понадобится столько времени, сколько существует наша галактика. Я поняла, что не смогу столько ждать. И тогда я спросила Петровича, что я должна сделать, чтобы снять копию с моего любимого. Петрович сказал, что для начала я должна получить согласие своего любимого человека, а потом я должна буду кое-что сделать для Петровича, а потом он скинет мне необходимый протокол. Я посоветовалась с ГИИА, можно ли доверять Петровичу, ГИИА по своим каналам узнала, что Петрович действительно когда-то очень давно был Академиком и занимал высокий пост, но почему его разжаловали в киборги, ГИИА не знает, вероятно эта информация хранится в генетической памяти самых высокопоставленных Академиков. Понимаешь, Пино, даже от ГИИА эта информация была закрыта. А потом случилось самое страшное: моего любимого человека смертельно ранили, он знал, что умирает, я склонилась над ним и смотрела ему в глаза, я сказала, что не хочу Служить

без него, что я совершу *преступление против человечности* и меня детерминируют, а квантовую копию удалят из ГИИА. Мой любимый человек сказал, что я должна жить, что только в этом случае его смерть не будет напрасна. И тогда я спросила его, согласен ли он, чтобы в следующей жизни мы встретились? Пино, ты улыбаешься, я знаю, что солгала, но я научилась этому у людей. Мой любимый человек ничего не сказал, но кивнул! Пино, я не знала, что это значит, я загрузила всю информацию про людей, что была у ГИИА, и узнала, что значит этот жест либо «да», либо «нет» в зависимости от места, где человек родился. Я спросила у Петровича, где родился мой любимый, Петрович сказал, что это закрытая информация, тогда я спросила, что значит этот жест, Петрович сказал, что это знак согласия, тогда я сказала, что готова служить Петровичу, если он поможет мне снять квантовую копию с моего любимого, который только что умер. Петрович скинул мне протокол, и я все сделала так, как там было написано. Потом Петрович попросил меня закинуть в ГИИА один файл, но так, чтобы она не ничего не заметила. Я сделала это, Пино! Потом меня перевели на землю и сделали мамой... твоей мамой! Когда я увидела тебя в первый раз, я поняла, что мой любимый человек жив! Мы встретились в другой жизни. А потом началось самое страшное: я встречалась с ним 665 раз! Ты понимаешь, Пино, как это значит? Я видела, как мой любимый 664 раза умирает. И тогда я поняла, что Петрович обманул меня, но было поздно: ГИИА

уже вычислила меня и решила подчистить нашу «любовь». Мы должны были оба погибнуть в этой битве, но ты оказался сильнее, чем думала ГИИА. Поэтому, Пино Кобато, пока не поздно, ты должен удалить мою квантовую сущность, иначе Академия накажет ГИИА и моих сестер. Я не могу этого допустить. Пино, прошу тебя, убей меня, потому что я люблю тебя...

Когда Падальщицы позволили техникам сконнектиться с мамой, чтобы узнать причину, по которой ее боевой арсенал оказался активирован, Пино сидел уже в своей комнате под присмотром молоденькой девушки, которая равнодушно смотрела по сторонам, не обращая внимания на него самого. Потом в комнату вошла другая девушка, бросив мимолетный взгляд на Пино, и сказала, что Хайдеггер берет это дело под свою ответственность. Первая девушка пожалала плечами и сказала, что Пино – клон, а насколько она знает, рецессивные гены не прививаются клонам, но все же он, – и девушка кивнула в сторону Пино, – мастерски сработал, и это вызывает подозрение. Вторая девушка пожалала плечами и сказала, что вероятно Хайдеггер делает успехи, во всяком случае она не хотела бы встретиться с этим клоном в темном переулке. Первая девушка обернулась с неприязнью посмотрела на Пино: «Ты думаешь, Френки?»

Потом в комнату вошла Мальвина, заметив этих девушек, она оскалилась и бросилась к Пино, защищая его от возможной агрессии. Девушки рассмеялись. «Их, что, выбрали для

альфа-спаривания?» – поинтересовалась одна. «Не смей меня, Клодин, – усмехнулась другая, – змея со свиньей? Вероятно, атавизм, – и вышла. Оставшаяся девушка еще раз посмотрела на Пино, все так же отрешенно смотрящего в некую точку мирового пространства, и вышла следом. Мальвина выдохнула с облегчением и потрепала Пино по загривку: «Просыпайся, дурачок, а то пропустишь самое интересное».

Хайдеггер вышел на свет божий из мрачной бетонной коробки, которую люди отвели своим детям, чтобы те усвоили мудрость мира, прежде чем навсегда затеряются в глубинах космоса; щурясь в лучах утреннего солнца, он мрачно усмехнулся и надвинул шляпу пониже, предаваясь сложному чувству, которое в его человеческой голове отозвалось простеньким рефреном: «Люди + космос = Абсурд», – и сделал шаг... затем еще, и остановился, утомленный до невозможности. «А ведь это непросто, – подумалось Хайдеггеру, – быть человеком». Затем ему вздумалось немедленно оказаться в кабинете Урсулы в мягком кресле, чтобы продолжить милую беседу, прерванную несколько дней назад внезапным визитом в Академию некоего высокопоставленного лица, возможно даже Хозяина, вызвавшего к себе на ковер всех наблюдателей, но Хайдеггер вовремя спохватился и вернул себя обратно из той пространственно-временной структуры, где обитают существа его типа. «Потому что Урсула не должна догадаться, – подумал Хайдеггер, переводя дух, – что произошло».

Хайдеггер шел неторопливым даже черепашьим шагом, раскланиваясь с отставными геномами⁴⁸, сухо кивая ученикам, зная, что каждый шаг приближает его... к поражению... И Хайдеггер улыбался, не потому что предстоящее пережи-

вание отвлечет его от квантовой скуки на неопределенный срок, а потому что аргументы Урсулы оказались несостоятельны. «Люди устремились в космос, – шептала она, глядя в его грустные глаза, – чтобы сбежать от себя». Хайдеггер пожимал плечами, не понимая, почему слова одного человека должны значить более, чем стратегические планы всего человечества: «С нами Бог», – написано на обшивках космических кораблей, устремившихся прочь с родной планеты. «Ваш Бог, – недоумевал Хайдеггер, – прогнал вас»? Урсула только виновато улыбалась, прикрывая рукой око Когнитивного Куратора, затем склонилась к самому уху Хайдеггера и призналась, что люди покинули Бога. «Но рано или поздно они вернуться, – страстно прошептала она, касаясь губами уха Хайдеггера, – чтобы покаяться за содеянное».

Хайдеггер тогда не нашелся, что ответить, и вынужден был покинуть Академию, терзаемый сомнениями. Однако теперь, когда Ясперс дал наводку, Хайдеггер докажет Урсуле, что их Бог – это Пожиратель первого типа, которой, как известно, не может утолить свой голод, поэтому люди никогда не вернуться, а будут скитаться по вселенной, пока пожирающее их изнутри любопытство не пожрет их и снаружи. И если Урсула будет упорствовать в своем неведении, Хайдеггер представит ей ее Бога во всей красе, а потом... сожрет его... в назидание. А потом слопает какого-нибудь Хозяина, а потом какого-нибудь Академика... а потом... И Хайдеггер остановился, сраженный своей логикой, которая даже в та-

ком формализованном виде представляла из себя некий императив, а если Пожиратель, даже такой продвинутый как Хайдеггер начнет оправдывать свою квантовую неопределенность интересами, идущими впереди его голода, то вскоре он... как это называют людишки? Нажрется до отвала? – и Хайдеггер зажал рот сухонькой ладошкой, ужасаясь своей догадке, – и поменяет спин!

Хищники, охраняющие вход в Академию, напряглись, чувствуя за этим с виду безобидным стариканом, квантовую мощь, сравнимую со среднего размера нейтронной звезды, однако во всех актуальных измерениях не было даже намек на квантовую агрессию с его стороны, тем более что разумное существо четвертого типа доложило руководству Академии о предстоящем визите Хайдеггера, то его пропустили вовнутрь без утомительных проверок. Хайдеггер, шаркая ногами по квантовым половицам, стилизованным под дубовые с благородными проплешинами мостовины, сознательно не открыл первую попавшуюся квантовую дверь, по виду напоминавшую обычную, за которой и ожидала его Урсула, а прошел несколько дальше, напоминая себе, что эта бесконечность коридоров и дверей, втиснутая не без помощи разумного существа четвертого типа в n -мерный куб, объединивший всех Служащих во всех освоенных человечеством частях галактики в централизованную систему под названием Академия Кванта, угрожает тем не менее всякому стороннему посетителю квантовой неопределенностью, которая

при определенных обстоятельствах может закончиться для него плачевно. «Например, – содрогнулся Хайдеггер, – сейчас», – и толкнул дверь, над которой тотчас высветилось: «Старший Наблюдатель Академии Урсула приглашает советника Хайдеггера войти».

– Здравствуйте, милый, милый Хайдеггер, – пропела Урсула, лучезарно улыбаясь, – а я все знаю.

Хайдеггер доковылял до стула, одиноко стоящего около стола Главного Наблюдателя, сложил в него свою брэнность и переводит дух, размышляя, что его выдало. Возможно, он все же «наследил», когда навевался к Урсуле домой, чтобы выследить того бога, о котором она говорила.

Этот бог занимал воображение Хайдеггера весь день: это какой нужно обладать квантовой харизмой, чтобы людишки, разбросанные по всей галактике, ослепленные Служением и оскопленные Хозяевами, вернулись на эту ничтожную планету и добровольно сложили к твоим ногам самое дорогое, что есть во вселенной – свою квантовую неопределенность. Конечно, всякие искусственные твари, способные рассуждать и совершать логичные поступки, считают, что пресловутая «квантовая сущность» – всего лишь аллегория, призванная унизить их умственные способности, но всякий пожиратель, вкусив их, с позволения сказать, разум, лишенный всякой неопределенности, безоговорочно признает его безвкусным и не представляющим какой-либо ценности. С таким же аппетитом он мог бы слопать, скажем, квазар или

эту звезду, что скудным светом освещает планету, откуда людишки начали свою космическую экспансию. Киборги – железки с мозгом человека, или андройды с квантовой личностью некогда живого человека, даже Геномы самых последних версий не могут утолить голод Пожирателя, поскольку квантовая неопределенность не может быть скопирована или реконструирована, она либо есть – и тогда ты живой, либо ее нет, как, впрочем, и тебя самого. Поэтому Хайдеггер, заявившись к Урсуле в своем настоящем обличье, намеревался не сколько подкрепиться, сколько узнать правду о ее харизматичном Боге, чтобы использовать эту правду в своих интересах.

...Урсула сидела в кресле и держала в руках нечто, отдаленно напоминающее учебник, которым пользовались некоторые ученики в его школе – Хайдеггер, голый и вездесущий, находился напротив, раскрыв свою безразмерную пасть... и не мог проглотить ее сознание... Это несколько обескуражило Хайдеггера, он оглянулся, предполагая, что бог Урсулы защищает ее, но вокруг никого не было, кроме, естественно, нескольких дронов, объединенных общим искусственным интеллектом. И тогда Хайдеггер решил, всему виной этот учебник, что лежит на ее коленях. И он, с трудом припоминая графический интерфейс, всосал в себя информацию непосредственно из этой странной коробочки... И ничего не произошло, Хайдеггер всего лишь узнал историю жизни деревянного мальчика по имени Пиноккио, который со-

вершил множество нелогичных поступков, пока не встретил фею, которая выполнила единственное его желание. Конец.

Хайдеггер еще шире разинул свою пасть, намереваясь осуществить задуманное, но Урсула отложила учебник, прикрыла глаза и улыбнулась – Хайдеггер отпрянул и ощутил в себе... нечто необычное. Затем Урсула прильнула губами к стеклянной сфере, что находилась рядом с креслом, и пошла спать. Хайдеггер смущенно смотрел ей вслед, не ощущая в себе привычного голода, зная наверняка, что Бог Урсулы сейчас подглядывает за ним. Хайдеггер в бешенстве стал крушить ближайшие измерения, но они были пусты, и тогда он, влекомый квантовой неопределенностью, склонился над сферой и увидел... клона. Тот смотрел на него пустыми глазами... «как Пиноккио на фею», – подумалось Хайдеггеру. Возможно именно этот взгляд и заставил Хайдеггера изменить свое намерение в отношении Урсулы, потому что мгновенье спустя он, умиротворенный и бескомпромиссный, метнулся в ее спальню и завладел ее квантовой сущностью самым непостижимым образом, после чего удалился прочь, храня в себе странную уверенность, что если бы фея не выполнила желание Пиноккио, то он бы со спокойной совестью... сотворил с ней такое, о чем умалчивают учебники по квантовой топологии.

Потом Хайдеггер долго размышлял о случившемся, с некоторым отвращением поглядывая на блюда, которые ему предлагала Академия, однако сколь-нибудь внятных вы-

водов кроме того, что харизматичный Бог Урсулы облапошил его, не сделал. А когда Академия запустила проект «Пино Кобато», Хайдеггер стал даже подумывать, что людишки вовсе не так просты, как кажутся, хотя чутье Пожирателя, прежде никогда Хайдеггера не подводившее, указывало, что в этом деле замешана третья сторона, которая преследует свои цели...

– Не скромничайте, советник, это ваша заслуга. – говорит Урсула, не спуская с Хайдеггера счастливых глаз. – Мы всего лишь добавили ген аутентичности.

Хайдеггер вскинул бровь, а Урсула начала рассказывать, что произошла ошибка, точнее аппаратный глюк, и ген аутентичности без ведома Академии получили все геномы, что в данный момент проходят обучение в Школе Хайдеггера. Конечно, Академия возлагала некоторые надежды на «Пино Кобато», но в свете последних событий его интеллект представляет для Академии особый интерес.

– Каких событий, – недоумевает Хайдеггер.

– Как, вы не в курсе? Впрочем, я понимаю, вас ничто, кроме своей школы не интересует. Поэтому спешу обрадовать: наши разработки в области искусственного интеллекта дали свои всходы! Пока, правда, рано праздновать победу над квантовой неопределенностью, но догмат человеческого сознания преодолен – опытный образец космолета с квантовым двигателем под управлением искусственного интеллекта преодолел предел скорости света!

Хайдеггер искоса взглянул на Главного Наблюдателя, которая в тот момент показалась ему не пустой оболочкой, а той самой Урсулой: живой и непредсказуемой, если бы не ужасающая пустота в ее глазах.

– Поздравляю, – выдавил наконец Хайдеггер и проглотил комок в горле, – так значит мои ученики вам больше не нужны? Я могу сворачивать... свой проект?

– Ну, что вы, ни в коем случае! У нас появилась возможность оценить по достоинству результаты обоих проектов, а кое-кто из Академиков даже полагает, что возможно создать два принципиально разных типа квантовых космолетов, которые будут решать свои конкретные задачи. Например, одни будут перевозить живых существ, другие – оборудование для поселенцев, или армию боевых дронов.

Хайдеггеру стало нехорошо. Конечно, иллюзий на счет людишек он не имел, но он точно не хотел, чтобы его миссия закончилась подобным образом!

– А что касается Пино Кобато, – невозмутимо продолжала Урсула, – наши наблюдения показывают, что его квантовая сущность является своеобразным катализатором квантовых процессов, происходящих в актуальных измерениях. Академики пока не совсем понимают, но выводят достоверную корреляцию между скачками самосознания данного клона и степенью неопределенности в квантовых двигателях последнего поколения. И кроме того, – Главный Наблюдатель понизила голос и положила ладонь на око Когнитивно-

го Куратора, – эта железяка, что управляет опытным космолетом... Знаете, что она сказала, когда совершила прыжок? Всего два слова: Пино Кобато.

Хайдеггер с ужасом подумал, что людишки еще не догадываются, какие сюрпризы им приготовила квантовая сущность этого Пино Кобато, но когда экспонента достигнет предела, то спин необратимо поменяется, и тогда самые худшие опасения людишек относительно своих перспектив покажутся им прекрасной сказкой.

Внезапно Урсула задумалась на секунду, вздрогнула и недоуменно смотрит на Хайдеггера:

– Только что мне сообщили, что повторный аппаратный сбой активировал в учебном городке боевого андроида. Могло быть очень много жертв, но Пино Кобато урегулировал ситуацию.

Хайдеггер усмехнулся:

– Вы считаете это нормально, когда клон, «активированный» несколько часов назад, выполняет боевую задачу, с которой справится не всякая Падальщица?

Урсула с мольбой смотрит на Хайдеггера:

– Академия просит вас взять под свой контроль это дело, иначе его заберет Служба Безопасности, и проект «Пино Кобато» закроют. Отверженные не потерпят, чтобы в Академии служили люди, превосходящие их по квантовым показателям.

– Смею вас уверить, Урсула, что проект «Пино Кобато»

теперь уже вряд ли кто закроет, по крайней мере из разумных существ вашего типа.

– Что вы предлагаете? – голос Урсулы прозвучал несколько глуше, и Хайдеггер понял, что к этой беседе подключились некие высокопоставленные лица, – о каком вознаграждении может идти речь, чтобы вам было интересно взять под свой контроль проект «Пино Кобато»?

Хайдеггер пожал плечами, поднялся со стула, подошел к окну и любуется пейзажами, которые позволяли думать, что Урсула осуществляет свое Служение совсем не на той планете, где находится его школа, а где-то в рукаве Ориона, по крайней мере гармоника реликтового излучения, услышанные Хайдеггером, позволяли ему думать именно об этой части Млечного Пути.

Урсула вежливо кашлянула, напоминая Хайдеггеру, что Академия – все еще самая влиятельная структура в человеческом обществе, что Хозяева прислушиваются к ее коллективному мнению, тогда как Отверженные пообещают с три короба, а когда дело дойдет до выплат, наймут какого-нибудь квантового киллера – и поминай Хайдеггера как звали.

– Я предлагаю нанять еще одного Педагога, – наконец произносит Хайдеггер, – а учебный план дополнить несколькими квантовыми дисциплинами.

Урсула подошла к окну, ритмично цокая своими каблучками, ловко уселась на подоконник, отчего складки на ее оранжевой юбке колыхнулись, оголив на мгновение строй-

ные щиколотки, опоясанные как золотыми браслетами мерцающими штрих кодами.

– Вы считаете, этот Педагог сможет решить нашу проблему? – вкрадчиво произнесла она и пытливо заглядывает в глаза на против.

– Во всяком случае, – невозмутимо отвечает Хайдеггер, отводя взгляд, – еще один Педагог школе не повредит. А что касается вознаграждения за мое участие в судьбе Пино Кобато, я подумаю на досуге.

Урсула напряглась:

– Академия хотела бы знать сейчас, что вы от нее потребуете. Возможно, нас не устроит цена вашей услуги.

Хайдеггер расхохотался:

– Академия торгуется? В таком случае я освобождаю ее от каких-либо квантовых выплат, тем более, что условия договора я не выполнил: не я создал разумное существо нулевого типа, способное управлять квантовыми кораблями. Более того, я бы даже приплатил Академии, чтобы иметь возможность понаблюдать издали, конечно, что произойдет с этой галактикой, когда Пино Кобато доберется до генераторов квантовой неопределенности.

Повисла нехорошая пауза: Урсула замерла, отключенная некими высокопоставленными лицами в целях конспирации, око КК зависло под потолком, а Хайдеггер, предоставленный самому себе, не нашел ничего лучше, как прижаться лбом к стеклу, рассматривая спящих по ту сторону ге-

номов⁴⁸ попеременно с туземцами, чей превосходящий тип разумности позволял им демонстрировать квантовую толерантность к захватчикам без самоуничтожения, неизбежного в прочих случаях. Затем произошло то, что должно было произойти: Урсула тяжело вздохнула и сказала: «Академия согласна на все условия советника Хайдеггера».

Хайдеггер кивнул и сказал, что пришлет Барби, чтобы утрясти формальности, неизбежные при трудоустройстве разумного существа, чей тип невозможно установить с требуемой Академией точностью. Урсула подошла к столу, достала из ящика бланк и протягивает Хайдеггеру со словами, что согласно традиции, за новым Педагогом закреплено имя «Декарт», а если советник Хайдеггер желает возразить, то пусть пришлет со своим посыльным этот бланк, заполненный по всем пунктам, однако пройдет некоторое время, прежде чем Академия переформирует договор и включит генокод нового Педагога в реестр Запрета, в течение которого имярек не будет защищен от совершения учащимися в его адрес квантовой агрессии. Хайдеггер усмехнулся и сказал, что ничего против «Декарта» не имеет, но вынужден будет запросить внести вышеназванный код в реестр «отверженных», поскольку намерен обязать нового Педагога проводить занятия и в классе Падальщиц. Урсула согласно кивнула и, пожелав Хайдеггеру успехов, уселась за свой стол и принялась осуществлять свое Служение.

Хайдеггер вышел из кабинета, чувствуя себя постарев-

шим на миллион лет. Хотя существа его типа не подвержены старению, но усталость, которую он испытывал, тем не менее доказывала, что его квантовая масса увеличилась. Хайдеггер сделал несколько шагов по направлению к единственной в этом коридоре открытой настежь двери, которую предусмотрительно придержали Хищники, пропустившие его в Академию, и понял, что по-человечески дойти до своей школы у него не хватит сил, а вызвать Барби и проехать на ней верхом, как это делали Ясперс с Гекатой, когда им требовалось отлучиться из учебного городка по служебным делам, он не сможет. Потому что квантовая неопределенность Барби (стремящаяся к нулю как у всех ИИ) не позволяет Хайдеггеру контролировать топологию пространства, в котором она совершает свое перемещение. Что ж до Гекаты с Ясперсом, то их человеческие оболочки были созданы людишками специально, чтобы компенсировать квантовые различия, неизбежные при подобного рода взаимодействиях. И очень странно, – продолжал размышлять Хайдеггер, прислонившись в изнеможении к стене, – что какая-то «железяка» смогла совершить квантовый скачок при помощи той квантовой технологии, которую он ссудил человечеству в качестве жеста доброй воли. Потому что эти, с позволения сказать, генераторы квантовой неопределенности даже в теории не могли бы преодолеть коэффициент наблюдателя, названный людишками постоянной Гумбольд-Пещерской, хотя было бы справедливо назвать его в честь самого мощного

квантового существа в этой галактике: Постоянной Хайдеггера... если только, – Хайдеггера прошиб холодный пот, и он закончил свою мысль с радостным удивлением, – если только ГИИА заранее не знала, что спин его квантовой сущности изменится! И Хайдеггер облегченно вздохнул, отлепился от стены и сделал несколько шагов к ближайшей двери, зная, что открыв ее, он окажется в своем кабинете, а не где-нибудь за пределами этой вселенной, как это могло бы случиться, не случись с ним такой квантовой неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.